

18+

ЯН КИРИЛЛОВ

ГРАНИЦЫ ПАМЯТИ

СЕРИЯ «ГРАНИЦЫ»

Ян Кириллов
Границы памяти.
Серия «Границы»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72423226
ISBN 9785006787940*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Память о прошлых жизнях способна изменить судьбу. Даже раб, который в прежнем воплощении умел летать, может представлять опасность для тайной межмировой власти, не говоря уже о бывшем императоре, свергнутом из-за навета своего полководца.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	11
Глава 1. Фред Берроу	11
1	11
2	14
3	19
4	22
5	27
6	31
Глава 2. Шестигранная Башня	36
1	36
2	41
3	54
4	59
5	64
6	67
Глава 3. Новый дом	68
1	68
2	69
3	83
4	89
5	94
6	98

Глава 4. Аммерт	102
1	102
2	108
3	116
4	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Границы памяти

Серия «Границы»

Ян Кириллов

© Ян Кириллов, 2025

ISBN 978-5-0067-8794-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Его осудили на сто восемь лет саркофага. Каменный ящик построили в той пещере, где когда-то скрывался будущий император, возглавляя восстание. Ёмкость залили сон-молоком, что замедляло жизненные процессы и сохраняло жизнь на протяжении столетий. Такой способ наказания применялся далеко не впервые – многие века в саркофаги заключали царей. Это было гуманнее, чем казнь, и всё же саркофага боялись больше смерти. Заключённого в этот гроб для живых обрекали долгие годы видеть кошмары, от которых невозможно проснуться. Инкрим не боялся, ведь худший кошмар в своей жизни он пережил три года назад. Он знал, что и с кошмарами можно справиться – нужно только принять свою тёмную сторону. Когда над Инкримом опустилась каменная крышка, он улыбался. Он засыпал с одной мыслью: «Я вернусь».

За три года до этого, стоя на балконе дворца Белый Слон, император Инкрим по прозвищу Саундър, облачённый в короткую чёрную тогу, глядел на закат. Утопающее солнце озаряло океан, что называли Великой Солёной рекой. Оно ублаживало беспокойные нагретые за день волны. Там вдали, у горизонта, плавали киты. При желании, можно было разглядеть их спины, и даже фонтаны воды, что выпускали киты из своих дыхал. Безмятежные животные не меняли образа

жизни на протяжении миллионов лет. Им было не до того, что вытворяли на поверхности их далёкие собратья. Киты не ведали ни о Великой Межмировой войне, что отгрохотала недавно, ни о Второй империи, ни о Кадонийском мятеже.

– Саундар! – прервал раздумья молодой голос. – Вам послание.

Император обернулся и позволил гонцу подойти. Это был прыщавый новичок, по имени Сенк, всего три луны служивший гонцом при дворе.

– Смелее! – сказал Саундар.

Новичок нервничал как в первый день. Он скользнул вперёд, шаркая ногами, и протянул свиток.

– От кого послание?

– М-Миенхот, – сказал гонец так, будто уже произнеся это имя, принёс дурную весть.

Инкрим не любил Миенхота за его дерзость и своеобразие. Каждый его поход обязательно оборачивался либо провалом, либо кровопролитием. И всё же, Миенхот держал безумный авторитет среди солдат.

– Давай сюда, – император вытянул руку, чтобы принять письмо.

Что-то блеснуло в руке молодого гонца. Инкрим вовремя заметил нож – достань его парень на полсекунды позже, и всё повернулось бы иначе. Вождь сосредоточил Энергию в пальцах и, силой тотта, отбросил гонца на пять шагов назад. Не дав гонцу подняться, Инкрим наступил ему на горло.

– Кто подослал тебя?!

Сенк что-то невнятно прохрипел, а из его рта потекла кровь. Инкрим понял, что перестарался с энергетическим ударом. Через несколько вздохов, гонец умер.

Император понял бумагу и прочёл. Как он и ожидал, это было объявление войны. Повод был известен – Инкрима давно обвиняли в тирании. Вот только Инкрим знал: повод и причина – совсем разные вещи. Настоящей причиной послужили разногласия по статусу военачальников после войны. Миенхот выступал за то, чтобы военачальники стали полноправными царями на своих территориях. Инкрим же собирался уделить им статус губернаторов.

Во дворце было много сторонников Миенхота. Даже слишком много. Их всех Инкрим знал поимённо. Собрав самых преданных командиров, он отдал приказ: немедленно уничтожить всех миенхотан, что засели во дворце. Их резали в постелях – всех до единого, включая женщин и детей. Инкрим жалел, что не мог вернуться в прошлое:

«Не прояви я слабость тогда – не позволю им поселиться во дворце, у себя под боком, не было бы этой жестокости».

Не прошло и часа с тех пор, как Инкрим отдал кровавый приказ, когда рядовой солдат принёс мешок. Увидев содержимое мешка, Инкрим понял, что переживает худшую ночь в своей жизни. В ней была голова Кáйрила – его старшего брата.

– Убили в собственном доме. Зарезали его жену и дочку.

Внешне Инкрим оставался холоден.

– Аммерта нашли?

– Нет, но удалось допросить свидетелей. Аммерта окружили, но ему удалось уйти. Говорят, он воспарил в небо, так высоко, что превратился в маленькую точку.

– Где это было?

– На базаре.

– Понятно, – Инкрим не питал надежд на то, что Аммерт жив. Такой полёт отнимал много сил, поэтому к левитации почти никто никогда не прибегал, за исключением крайних мер. Аммерт же славился храбростью и выносливостью, и нередко поражал толпу своими полётами. Вчера вечером он сделал это в последний раз. Конечно, слухи преувеличили зрелище – догадаться не составляло труда.

«Но, боги! – подумал император. – Это был бы красивый побег».

К утру из миенхотан остался один. Вернее... одна.

– Арустар, – печально протянул Инкрим. – Я долго думал, что делать с тобой.

Верный военачальник Казим – очень толковый, несмотря на молодой возраст, южанин – догадался не убивать её, а привести к вождю.

– Молодец, Казим, – кивнул Инкрим. Он ценил тех, кто умели понимать приказы не буквально. Вождь обратился к Арустар.

– Теперь ты поняла, к чему привели твои чувства?

– Моё сердце по-прежнему с ним.

– С Миенхотом? Он безумец. Убийца. Деспот, – произносил Инкрим, шаг за шагом приближаясь к Арустар.

– Как и ты.

– Между нами есть разница: я убиваю во имя империи. Он – ради славы.

– Вы ничем не отличаетесь. Убьёшь меня?

Инкрим опустил взор на округлившийся за последние лунны живот Арустар.

Три года спустя, проведя в темнице девятьсот девятнадцать дней, Инкрим стоял перед судом. По иронии судьбы, местом суда избрали ту самую арену, где когда-то бился его отец – бывший раб. На подсудимого с трибуны глядела Арустар, с трёхлетним малышом на руках. В её глазах читались жалость и неисполнимое желание повернуть время вспять.

Часть 1

Глава 1. Фред Берроу

1

Фред самозабвенно мыл машины. Снова и снова, мощная струя пенной воды, способная отсечь руку, проходила по корпусу, не оставляя ни пятнышка. С такой же тщательностью Фред очищал коврики, пылесосил дорогие и не очень салоны, оттирал окна изнутри сначала влажной, а потом сухой тряпкой. Он обожал свою работу за то, что в ней можно было пропасть. Не надо было ни о чём думать – просто позволь своим рукам делать то, что нужно.

И всё же, Фред ненавидел свою жизнь. За плечами остались два года лечения от наркозависимости и год бесцельного шатания по улицам. К двадцати трём годам Фред Берроу так и не поступил в колледж и потерял всякую надежду на то, что жизнь когда-нибудь наладится. Автомойка позволяла убежать от проблем. Его работа была из тех занятий, которые не наделяют грузом ответственности и не вызывают осуждения обществом. Дополнительным бонусом служили деньги, позволявшие хотя бы оплачивать своё проживание

у мачехи Стоун.

Утром, третьего сентября, идиллия закончилась. Гарри – молодой босс – не желая слушать возражений, поставил Фреда перед фактом: автомойка переходит в режим самообслуживания. Вспышка произошла на фразе «Теперь ты будешь сидеть за кассой». Неприятный разговор случился в восемь утра, после ночной смены, а уже в десять злой, но довольный собой Фред Берроу шёл по улице Торонто, запустив руки в карманы. Вновь и вновь он прокручивал в голове, как послал начальника. Он жалел об этом поступке, ведь можно было сказать: «Гарри, я не виноват, что ты не умеешь вести бизнес», но вместо этого Фред отправил его туда, откуда обычно не возвращаются девственниками. Разумеется, после такого, о работе за кассой, да и вообще работе на автомойке, не шло и речи.

На Янг-стрит частенько попадались группы туристов, и гиды с удовольствием расхваливали «самую длинную улицу мира». Проходя мимо, Фред не мог не вставить фразу:

– Вас дураят. Янг-стрит переходит в шоссе №11.

Он хорошо знал, куда ведёт улица Янг, но понятия не имел, куда бредёт сам. После сегодняшнего скандала Фред воспринимал утро как вечер, и неважно было, что солнце светит не с той стороны. До дома было довольно далеко, и можно было бы, как обычно, сесть на автобус, но так бы поступил другой Фред. Тот, который не потерял работу и веру в человечество.

Люди вокруг торопились кто по делам, а кто по магазинам. Улица радовала глаз вывесками и рекламой, но только не глаз Фреда. В этом состояла ещё одна его особенность – Фред видел окружающий мир в приглушённом цвете. В прямом смысле, примерно как на цветной, но довольно старой киноплёнке.

Внезапно в голове что-то щёлкнуло, и Фред остановился. Мысль о том, что можно сократить путь домой кольнула его в самое сердце. Вот только домом теперь виделась не двухкомнатная квартирка в Джейн энд Финч, а что-то бескрайнее, заоблачное. Недолго думая, он вышел на проезжую часть.

Реальность оказалась куда прозаичнее ожидания: машины не стали давить случайного похожего. Вместо этого водители притормаживали, сигналили и, ругаясь, объезжали одинокую фигуру.

«Слабаки».

Тут он обернулся. Девушка стояла на тротуаре и глядела прямо на него. Сначала Фред не поверил: очень мало кто из девушек вообще когда-либо достаивал его внимания. Девушка была на удивление красивой – каштановые волосы, кожа цвета кофе с молоком, изящное изумрудное платье... Изумрудное! Фред поймал себя на мысли, что чётко видел каждый оттенок её платья, кожи, волос. Он даже различил цвет её глаз – чайные. Они определённо были чайными. Нет, он бы не простил себе, если бы такие удивительные глаза

этим утром узрели трагедию.

Наверное, девушка поняла, что Фред смотрит на неё. Пошарив в сумочке, она достала телефон. При этом из сумки выпорхнул небольшой белый предмет – скорее всего, визитка. Незнакомка заспешила куда-то, забыв про кусочек плотной бумаги. Фред тут же вернулся на тротуар, подобрал визитку и прочёл: «Рита Сёрчер. Джаз-клуб „Five to Six“. Больше чем просто джаз».

2

Большие города не спят – к этому Фред давно привык, и за это любил Торонто. В центре можно было в любое время зайти в кафе или купить уличной еды, и никто не назовет тебя «белым мусором». После работы Фред часто бродил по городу без всякой цели, и сегодняшний вечер не был чем-то особенным, разве что странная визитка лежала в кармане. Провалившись дома до восьми вечера, Фред хотел наверстать упущенное за день, и чувствовал, что сделать это можно только в одном месте.

По пути, он долго размышлял: «Почему клуб называется так странно? «Без пяти шесть». Наконец, уже подходя к неприметному зданию, что ютилось между стекло-бетонными коробками, он вдруг понял, и похвалил себя за догадливость:

«Белые воротнички. Эти унылые снобы. Все они, хоть

и корчат из себя уникальных снежинок, похожи друг на друга, и у всех примерно одинаковый график: с девяти до шести, с понедельника по пятницу. До шести. Ровно в шесть пополудни эти хомяки ослабляют удавки на шеях и покидают свои душные клетки с компьютерами, чтобы пойти побухать. Ну, или дома посмотреть сериалы. И все они чего-то ждут. Без пяти шесть. Это как раз то время, когда начинается долгое томительное ожидание конца рабочего дня. Когда любой звонок от клиента-мудака способен вывести из себя, взорвать мозг подобно бомбе с часовым механизмом. Время замедляется, минутная и секундная стрелки еле-еле ползут. Ровно пять минут до свободы. О, да! Предвкушение, вот в чём секрет. Иногда оно слаще, чем само событие, которого ждёшь».

На обратной стороне визитки было написано от руки: «При входе коснись ручки первой двери».

«Видимо, какой-то условный знак для своих», – нашёл объяснение Фред и всю дорогу думал, как бы не забыть. По иронии, как раз об этом он едва не забыл, войдя в наружную дверь. Обернувшись, он всё же коснулся ручки и повертел головой в поисках камер, правда, не обнаружил ни одной.

Далее нужно было спуститься по лестнице и повернуть направо, туда, откуда слышалась музыка. Оказавшись в уютном светлом помещении, среди опрятных и красивых людей, Фред, в грязной чёрной толстовке, потёртых джинсах и с банкой пива в руке, на миг ощутил себя гадким утён-

ком. Однако, уже через секунду, он расслабился и решил: «Не нравлюсь? Ваши проблемы».

Со сцены разливалась и таяла в ушах восхитительная музыка – причудливое сочетание арфы и саксофона. Людей в клубе почти не осталось, а те, что ещё сидели за столиками, собирались уходить. За арфой была Рита.

«Богиня», – подумал он, глядя на девушку в искрящемся платье, на сей раз, красном.

Фред занял место в углу, заказал орешков – на большее мелочи не хватило – и принялся наблюдать.

Яркий гранатовый цвет будто ворвался в унылое болото приглушённых красок, разгоняя их как тучи по весне. Он ненадолго закрыл глаза, чтобы позволить музыке владеть собой, и тут сладостные звуки прекратились.

– Эй! А музыки больше не будет?

Никто не ответил. Зал потихоньку пустел. Музыканты собирали инструменты, официанты протирали столы. Фред понял, что настало его время, громко свистнул и похлопал в ладоши.

– Приходи завтра, приятель, – ответил саксофонист-афроамериканец.

– Жаль, – допив остатки пива, которое давно выдохлось, он доковылял до сцены. – Привет! Ты круто играла. Мы не знакомы? Видел тебя на улице.

– Серьёзно? – Рита сделала вид, что не узнала Фреда Берроу. Чтобы скрыть волнение, она обратилась к афроамери-

канцу. – Стив, не сможешь донести арфу?

– Я помогу! – вызывался Фред. – Серьёзно. То, как ты посмотрела на меня там, на Янг-стрит... Я чуть не сдох там, на дороге! Ты спасла меня. Да-да, именно ты! Парень, без обид. Если она твоя, только скажи, я...

– Слышь, приятель, – напрягся Стив.

– Мальчики, спокойно. Я с ним поговорю, – полушёпотом ответила она музыканту и спустилась со сцены. Отойдя к барной стойке, Рита протянула руку и представилась.

– Фред. Можно Фредди. А нет, лучше Фред, а то... ну, знаешь, Фредди Крюгер... Меня в школе дразнили Фредди Крюгером. Чёрт, зачем я это сказал?! – он неровно поставил банку, отчего та опрокинулась и покатилась на пол. Фред махнул рукой. – Ой, пардон. А бармен уже ушёл?

– Приятно познакомиться, Фредди не-Крюгер, – хохотнула Рита.

– Берроу, – он ещё раз протянул руку.

– Ну, начинай, Фред Берроу.

– Что именно? – растерялся он.

Два взгляда встретились. Время будто замедлилось. Казалось, минула доля вечности перед тем, как мимо прошёл Стив, бросив Рите ключи с какими-то словами, а Рита подхватила и помахала рукой.

– Ты ведь не просто так сюда пришёл, Фред?

– Верно. Я пришёл к тебе. Кстати, что там с арфой?

– Да, точно!

Пришлось потрудиться, чтобы дотащить до машины не самый лёгкий инструмент и уместить его на заднем сиденье.

– Извини, подвезти не могу, – пошутила Рита, оглядываясь на футляр, что занял большую часть салона.

– Да ничего, пройдуся, – махнул рукой Фред, несмотря на то, что тяжело дышал. – Ну, ладно, пока, что ли?

Он собрался уходить, и Рита поняла, что, возможно, другого шанса не будет.

– Подожди.

Догнав его, Рита развернула Фреда к себе. Нужно было срочно импровизировать.

– Фред Берроу. Детский сад. Нам по шесть лет. Ты рассказывал мне про то, что ты – древний император, построил башню с шестью гранями и город, и показывал мне рисунки, – выпалила она скороговоркой.

Когда Фред оттолкнул её, Рита прокляла себя за поспешность.

– Не помню, – помотал он головой и попятился. – Не помню! – Фред развернулся и почти побежал.

Рита решилась на отчаянный шаг – схватила его за руку, притянула к себе и поцеловала в губы.

В другой ситуации Фред, изголодавшийся по женской ласке, ответил бы на поцелуй, но только не сейчас. Губы этой странной девушки не ласкали. Обжигали. Едва не потеряв равновесие, Фред отступил на шаг. Тело трясло как от сильного озноба.

– Не подходи, – грозно прошептал он. Убедившись, что Рита стоит на месте, Фред развернулся и двинулся прочь, переходя на бег.

– Ты встретишь человека, по имени Марк! Доверься ему! – крикнула она вслед, надеясь только на везение.

3

В квартиру он ворвался будто налётчик.

– Бетти!

Лиза ненавидела, когда пасынок называл её Бетти, и поэтому Фред обращался к ней только так.

– Бетти! Ты дома?! – он осмотрел обе комнаты. – Я знаю, ты дома.

– Ради всего святого, Фредерик, можешь объяснить, ты спятил?! Что с тобой?

– Ты мне объясни.

– Где ты пропадал?

– Где мои детские рисунки? – прошипел он.

– Тебя уволили? Звонил твой начальник...

– Плевать мне на Гарри! Мои детские рисунки. Ты сожгла их? Выкинула? Что ты сделала?!

Он кинулся в её спальню и принялся выдёргивать и переворачивать ящики комода.

– Ты что творишь?!

– Моё прошлое. Моё детство. Почему я ничего не пом-

ню?!

– Для начала успокойся. Давай сядем и поговорим.

– Всё, что я помню – драки, наркотики, диспансер... и магазин. Его я помню отлично. А всё остальное... оно буд-то... – он потряс рукой так, словно пытался сжать со всей силы невидимый мяч. – Оно растаяло.

– Ну, давай ещё, разревись, – Лиза начала собирать разбросанное бельё, но опомнилась и села на кровать. – Давай поговорим.

– Не о чем говорить, – он ушёл к себе в комнату и заперся изнутри.

Спустя полчаса, он вышел с чемоданом.

– Я встретил девушку. Она сказала, что мы ходили в один детский сад. Мы дружили, а я этого не помню!

– Как её зовут?

– Зачем тебе?

– Куда ты пошёл на ночь глядя?

– Тебе какое дело? Думай о своих клиентах, как всегда и делаешь.

– Фредерик, стой!

Тот поставил чемодан. Не потому, что послушал мачеху. Развернулся.

– Объясни мне, почему мы живём в этой дыре? Ты всю жизнь продаёшь квартиры, так почему ты за столько лет сама не обзавелась квартирой побольше? В лучшем районе, с белыми соседями. У нас только на одной клетке живут араб,

индус и нигер.

– Не смей произносить слово на «н»!

– Или что? Я – тупое расистское быдло? Да, это так, Бетти, и что ты со мной сделаешь?

– Значит, это я испортила тебе жизнь, Фредди?

– Не перебивай! Почему всю свою жизнь я только и делал, что добивался твоего внимания? Делил его с твоими клиентами. Всё, что я слышал от тебя почти всё время – это твои бесконечные телефонные разговоры о «шаговой доступности», уюте, парковках и видах из окна. Когда ты интересовалась моими оценками в школе?

– Всё время, Фред! Всё время, ты просто этого не замечал! Потому что ты – эгоистичная скотина!

– Ты меня такой сделала! Я ухожу.

– Уходи. И забери своё барахло.

– Серьёзно? – усмехнулся Фред. – Реверсивная психология? На это я не куплюсь.

– О, я знаю, Фредди! Я знаю.

Она решительно направилась в комнату пасынка. Через минуту, на лестничную клетку полетела одежда, за ней – чемодан и сорванные со стены плакаты. Сверху, единственным белым пятном, на кучу тёмных вещей приземлилась детская пижама. Последней вылетела и скатилась по грязной лестнице зубная щётка. Стоило Фреду оказаться снаружи, чтобы всё это собрать, он услышал за спиной щелчок дверного замка.

– А вот щётку можно было оставить!

Дверь приоткрылась на цепочке, и в проёме на секунду показалась рука, пальцы которой были сложены в известном жесте. После этого дверь снова захлопнулась.

Берроу пожал плечами и собрал в чемодан всё, кроме гантелей. Даже обдул и положил в боковой карман зубную щётку. Это был третий подобный случай за последний год, но только теперь Фред не собирался возвращаться.

4

К началу сентября погода в Торонто не успела испортиться, и ночи стояли такие же тёплые, как и летом. Фред приземлился на скамейку в парке и закурил.

«Посплю тут, – подумал он, оглядываясь. – А куда дальше? Домой? Куда угодно, только не туда».

Поднялся ветер, потревожив опавшие листья.

«К чёрту Торонто. Махну в Штаты, – новая затяжка. Затея показалась Фреду неплохой – особых проблем пересечение границы не должно было доставить. Перейти мост у Ниагарского водопада, и вот ты уже в другой стране. – Хотя, кому я там нужен».

Мысли о новой жизни унесли Берроу в глубокий сон.

Проснулся он рано утром. Во сколько точно – понять было невозможно: телефон разрядился, а небо заволокли тучи. Вдобавок, живот болел от голода, а спина – от долгого лежа-

ния на твёрдой скамье. Фред пошевелил пальцами руки. Чего-то не хватало. Чемодана!

— Эй! — он заметил бомжа, что сидел на траве в нескольких шагах и бесцеремонно перебирал его вещи. — Верни, сволочь!

Берроу схватил чемодан и потянул на себя. Бомж не растерялся и решил бороться за добычу. Всё-таки, отобрать нажитое Фреду удалось, правда содержимое чемодана рассыпалось по траве, а ручка порвалась, да ещё и сломался замок. Пришлось собирать весь хлам заново.

Как назло, полил дождь, вещи обмокли. Отшвырнув майку, пнув от злости чемодан, Фред уселся на траву и протёр ладонью намокшее лицо.

«Если и начинать новую жизнь, то без ничего. С чистого листа».

Поднявшись, он обратился к серому небу и распростёр руки.

— Где ты Марк? — спросил он то ли вслух, то ли мысленно. — Где. Ты. Марк, которому я должен довериться?!

Только теперь он обратил внимание на то, где находится, и понял, что оказался в другом конце города. Вчера ночью он сел на первый попавшийся автобус и проехал несколько остановок, после чего прошагал четыре квартала пешком, в поисках какой-нибудь подходящей скамейки. В темноте место было не очень-то различимо. Теперь же, несмотря на пасмурную погоду, Фред узнал парк Святого Джеймса,

а значит, неподалёку должен был находиться храм.

Просторный полутёмный зал обнимала благоговейная тишина. Голова кружилась от высоты колонн и сводов, а огромный витраж преображал серость пасмурного неба в разноцветную картину. Фред любил церкви за спокойствие и величественность. В церкви забываешь о старых обидах и, самое главное, о себе. Фред не верил в Бога, но для него богом была пустота, и он молился этой пустоте.

Появление здесь Марка было настолько закономерным, насколько закономерно то, что камень упадёт на землю, если его подбросить. Смуглый мужчина лет тридцати, в зелёном плаще, сидел в последнем ряду. Можно было подумать, что он латиноамериканец, но имя сбивало с этой мысли. Почему-то именно он привлёк внимание Фреда. Подойдя поближе, рассмотрев незнакомца получше, Фред сел рядом и сделал вид, будто смотрит на витраж.

– Красиво, правда? – начал он разговор. – Часто здесь бываете?

– Иногда, – незнакомец протянул руку. – Марк Хоуп.

«Бинго!» – подумал Берроу. Впрочем, он не ожидал чего-то другого. Крепко пожав руку, он представился в ответ.

– Откуда ты, Марк?

– Ну, скажем так... ближе чем Штаты, но дальше, чем Альфа Центавра.

– Вот значит как, – оба недолго помолчали. – Не люблю ходить вокруг да около. Кто такая Рита Сёрчер? – Только тут

до него дошло: Сёрчер. По-английски «search» – «искать». – Это не настоящая фамилия? Она ведь, – продолжил он, делая паузы между словами, – сама нашла меня там, на Янг-стрит?

– Терпение. Сначала я должен узнать тебя получше.

– Ты? Меня?! Серьёзно? Это я должен узнать тебя получше, чтобы куда-то пойти с тобой. Марк, – тут он остолбенел. – Только не говори, что ты – мой ангел-хранитель.

– Вовсе нет, – улыбнулся тот. – Если уж на то пошло, я, скорее, демон-искуситель.

– Вот это уже лучше. Ну, так что? Куда пойдём?

– А ты уже знаешь, что мы должны куда-то пойти? – усмехнулся Марк. – Для начала ответь на три вопроса. Первый: какое животное лучше всех прячется в лесу?

– Ну, допустим, охотник, – без раздумий ответил Фред. – Я знаю, это был вопрос с подвохом. Я такие как орешки щёлкаю.

– Хорошо. Тогда второй вопрос: почему?

– Что «почему»?

– Почему охотник?

– Это не второй вопрос. Это продолжение первого.

– И всё же.

– Наверное, потому что охотник побеждает добычу. Если бы он хуже прятался, добыча бы нашла его पहले.

– Принято. И третий вопрос: кто тебе это сказал?

– Да что за тупые вопросы? Я думал, будут ещё загадки

или что-то типа того. Никто мне этого не го... – тут в его памяти, будто из глубин океана, всплыла подсказка. Нелепая, абсурдная, в которой не было ни капли правды. И, тем не менее, Фред почувствовал, что должен ответить именно так. Он произнёс эти слова еле слышно: – Мой отец.

Глядя в глаза Фреду, Марк не спеша кивнул.

– Что сказала тебе Рита?

– Что я рисовал шестигранную башню, – эту фразу он произнёс так, будто речь шла не о детском рисунке, а об атомной бомбе.

– А ты рисовал?

– Не помню, – произнёс он на выдохе. – Я не помню своего детства.

– Тебя это беспокоит?

– «Беспокоит»! Беспокоить может несварение желудка. Меня это пожирает изнутри. Как чёрная дыра.

– Что ты помнишь?

– Обрывки. Школу, драки, ссоры с Бетти, наркотики, лечебницу. Будто я родился тем, кто я сейчас.

– Кто такая Бетти?

– Мачеха. Моих родителей нет.

– Ты сказал, что...

– Да! Что отец мне рассказал про животное. Не знаю, почему я так ответил, ясно? Почему я вообще всё это тебе рассказываю? Ты что, психолог? – Фред повернулся к нему корпусом. – Кто ты такой? Почему я должен был тебя встретить?

И кто эта Рита Сёрчер?

Марк чуть заметно улыбнулся.

– Узнаешь, если поедешь со мной.

5

Возле парка остановился старый серебристый «Опель». Мужчина лет сорока с заветренным лицом вышел из машины и открыл багажник.

– Privet! – поздоровался Фред по-русски, почему-то приняв водителя за русского.

– Скорее Guten Tag, – хмуро отозвался тот.

– Или Guten Morgen, – поправил Марк. – Сейчас утро.

– Смотря где.

– Знакомься, Фред, это Генрих. Генрих, это Фред.

– Тот самый?

– А ты ожидал другого?

– Ну... – Генрих тактично промолчал и поводил рукой.

– Далеко едем? – спросил Фред.

– Ты сказал ему? – покосился Генрих на своего друга.

– Хотел сделать сюрприз.

Около часа автомобиль ехал по утренним пробкам, и почти всё время Марк то и дело не без признаков тревоги поглядывал в окно.

Берроу ожидал чего угодно от путешествия, но только не до боли знакомых улиц и домов.

– Джейн энд Финч. Ты приволок меня в родную дыру, чтобы что?

– Я обещал тебе дом родителей.

Впереди стоял многоквартирный дом на четыре этажа, вполне ухоженный для не самого благополучного района, с небольшим цветущим садиком во дворе.

– Что ты знаешь о своих родителях?

– Вроде бы они были русского происхождения. Предки переехали ещё из царской России. Берроу происходит от фамилии Перов.

– Так. Это интересно, конечно, но что ещё ты знаешь? Как они погибли?

Фред поморщился. Ему не хотелось об этом говорить.

– Пожар, – выдавил он едва слышно.

– Где в это время был ты?

– Пошёл выносить мусор. Мне был год, где я мог быть?! В детской комнате, конечно. Бетти тогда жила напротив и услышала запах гари. Прибежала вовремя, выломала дверь, вызвала пожарных. Она успела меня вытащить, прежде чем родители задохнулись.

– Погоди, что-то не сходится.

– В смысле?

– Ты слышал эту историю, наверное, миллион раз. И всё же, тебя никогда не интересовало, как тебе удалось выжить? Для того чтобы умереть от угарного газа, достаточно десяти секунд. Разве этого хватит, чтобы выломать дверь,

найти ребёнка и вынести его из комнаты?

– Я был достаточно далеко.

– Неужели? Давай-ка прогуляемся.

Марк и Фред вышли из машины. Марк размял плечи, в очередной раз огляделся и пригласил Фреда к подъезду. Из подъезда как раз вышла молодая женщина с собакой, и Марк успел придержать за ней дверь. Оба вошли и поднялись на второй этаж. Марк позвонил в квартиру.

– Ты что делаешь?!

– Спокойно.

Не снимая цепочки, дверь приоткрыла старушка лет семидесяти.

– Чего вам надо?

– Пожарная инспекция, мэм, – он достал из кармана удостоверение. Старушка, поправив очки, внимательно рассмотрела документ. – Мы с напарником хотели бы осмотреть помещение на предмет противопожарной безопасности.

Старушка открыла. Фред, не веря в происходящее, переступил порог вслед за Марком. Делая пометки в блокноте, Марк задавал стандартные вопросы, а Фред осматривал убранство квартиры. Ничто здесь, разумеется, не напоминало о пожаре двадцатидвухлетней давности: розовые обои, объёмистые подушки на диванах, стены, завешанные натюрмортами. Обычная старушечья квартира, но... был и «слон в комнате». Фред обратил внимание не сразу, а когда до него дошло, остолбенел. Ещё раз пересчитал комнаты.

«Спальня. Кухня. Прихожая. Так, ещё раз: прихожая, спальня, кухня. Прихожая, кухня, спальня. Твою мать!»

Его трясло, когда оба спешно возвращались к машине.

– Понял? – спросил Марк.

– Да. Квартирка маленькая. В спальне больше всего места. Им незачем было ставить мою колыбель в другой комнате. Потому что другой комнаты не было.

– Элементарно, Ватсон.

Сели в машину.

– Значит... Значит, она соврала? Нет, погоди. Старуха ведь могла сделать перестановку. Поставить стену.

– А детскую замуровать? С какой целью?

– Может, она ей не нужна. Продала соседям.

– Серьёзно? А так можно?

– Откуда мне знать?!

– Фред, ты ищешь объяснений тому, чего не понимаешь.

– И как это объяснить?

– Ты же сам изначально дал правильный ответ. Детской комнаты не было. Твои родители не были столь богаты, чтобы позволить себе просторную квартиру. Ты спал в одной комнате с родителями, когда случился пожар.

– Да быть того не может! Ты сам говорил про десять секунд.

– Верно. Потому что к моменту, когда началось возгорание, тебя в комнате не было. У меня есть версия, что тебя вынесли оттуда загодя. И сделала это не кто-нибудь, а твоя

мачеха – Элизабет Стоун. Она знала, что будет пожар.

– Откуда она могла знать?

– Есть вещи, которые не поддаются объяснению в рамках известной тебе парадигмы.

6

Восемью годами ранее.

Жителей квартала Джейн энд Финч битыми витринами было не удивить. Однако витрина небольшого магазинчика, разбитая сегодня в шесть утра, собрала толпу зевак. Белый подросток, который оставил от витрины одни осколки, орудовал не булыжником и не кирпичом, а, как он сам уверял, взрывчаткой С4. Никому не хотелось проверять это на своей шкуре.

Малолетний террорист не требовал чего-то конкретного. Он тянул время и, казалось, желал только одного – создать как можно больше шума.

Полиция окружила магазин. Сюда же подъехала мачеха несовершеннолетнего преступника и владелица магазина – Лиза Стоун. Внутри, кроме самого Фреда, находились двое китайцев – супружеская пара мистер и миссис Ван. Последние сидели в углу и прижимались друг к дружке. Щека мистера Вана была поцарапана осколком стекла.

– Отключите фары, – попросила Лиза, выйдя из машины. – Его это нервирует.

Полицейский крепкого телосложения с широким бритым затылком будто не расслышал просьбу. Лиза повторила и добавила:

– Чак, сделай, как я прошу.

– Сэр? Отключить? – спросил констебль Фитц и, получив утвердительный кивок, отключил фары. То же сделали остальные водители.

Лиза оказалась права – тон Фреда стал чуть спокойнее, правда, ненадолго.

– Я всё вижу! – крикнул он из темноты. – Это констебль Гарднер у чёрного входа! Пусть он уйдёт!

Чак не удивился. Достав рацию, он дал команду отступить.

– Эй, Фред! – спокойно, но достаточно громко, чтобы донести каждое слово, произнёс старший сержант полиции Торонто Чарльз Хэммон. Фитц предложил ему громкоговоритель, но старший сержант отказался – это бы надавило на подростка. – Я могу понять тебя, Фред. Ты считаешь себя не таким, как все. И ты прав! Быть не таким – очень хорошо! Тебя обидело общество. Твоё окружение. Верно?

Пауза. Чак и Лиза переглянулись, гадая, хороший это знак или плохой.

– Ты не знаешь, каково мне, – раздалось из темноты.

– Тогда расскажи. Кто конкретно причинил тебе боль? Может быть, твоя мачеха? А может, мистер и миссис Ван?

– Их так зовут? А я уже прозвал их Микки и Мини.

Чак улыбнулся.

– Чувство юмора – это шаг к исцелению, Фред. Может, отпустишь Микки и Мини, если они тебе не нужны?

– Они могут идти, – неожиданно ответил Фредди. Лиза прерывисто выдохнула и одарила Чака благодарным взглядом. Полдела было сделано.

Когда китайцы покинули опасную зону, Чак продолжил:

– Ты хорошо поступил, Фред. Теперь ты можешь плавно поднять руки и медленно выйти на свет, и всё это закончится.

– Ни за что! Всё только начинается.

– Может, я поговорю с ним? – попросила Лиза, но Чак приложил палец к губам.

– Здесь твоя мама. Не хочешь ли поговорить с ней?

– Она мне не мама!

– Тогда поговори со мной. В чём твоя боль, Фред?

– Вы знаете! Прекрасно знаете, старший сержант Хэммон. Вы – моя боль! И вы, и Бетти, и физкультурник. Вас примерно человек пять-шесть. И вы следите за мной. Где бы я ни был. Всё время! Держите меня под колпаком. Думаете, я не знаю? Это заговор! Заговор, чтобы я не помнил.

– О чём ты не должен помнить, Фред?

– О своей прошлой жизни.

– И зачем нам это надо?

– Откуда мне знать?!

Фредди не заметил, как Хэммон сделал шаг вперёд.

– Расскажи мне о прошлой жизни, Фред. Кем ты был?

– Императором.

Констебль Фитц усмехнулся, за что получил от Хэммона неодобрительный взгляд.

– Как тебя звали? – серьёзным тоном продолжал задавать вопросы Хэммон.

– Инкрим.

– Какой империей ты владел?

– Не я владел. Она владела мной.

– Вот как? – ещё один незаметный шаг. – Расскажи об этой империи.

– Она была в другом мире. Вам не понять.

– Я верю тебе! – в этот раз, старший сержант смело сделал ещё два шага. – Давай найдём этот мир. Вот только у нас не получится, если ты будешь мёртв.

– Не подходить. Не подходить!!!

Он едва не нажал на кнопку. Палец окаменел. Руки Фреда сами собой медленно разошлись в стороны, будто привязанные невидимыми нитями к полотку.

– Что это? Что, мать вашу, происходит?! – занервничал парень, пытаясь вырваться, но незримая паутина опутала всё его тело. – Это ты? Это ты делаешь?! Прекрати!!!

– Я ничего не делаю.

Между тем, руки Фреда сами зашли за спину. Раздался щелчок наручников.

– А теперь не двигайся, – констебль Гарднер, одетый

в бронежилет и каску, отошёл на безопасное расстояние, дав дорогу сапёрам.

Утром того же дня газеты написали о пятнадцатилетнем парне, который запугал целый район пакетами с песком. В этой же статье было подробно описано, как старший сержант полиции убедил террориста сдаться. По официальной версии, витрина была разбита обломком брусчатки. О силе, которой на самом деле орудовал подросток, не было ни слова.

Глава 2. Шестигранная Башня

1

Фреду нужно было немного «остыть». Наилучшим для этого местом был парк, вдали от шумных улиц и, самое главное, от района Джейн энд Финч. Устроились на лавочке – Фред слева, Генрих справа, а Марк посередине.

– Как так получилось, что мои родители жили в том же районе, где я живу сейчас?

– Это не совпадение. Лиза Стоун приехала сюда незадолго до их гибели.

Фред, прищурившись, уставился на Марка. И спросил дрожащим голосом:

– Это она?

– Давай пока поговорим на отвлечённые темы. Хорошо?

Тот кивнул, вытянул ноги и посмотрел вдаль.

– Рассказывайте, чем занимаетесь?

– У нас с Генрихом общий бизнес.

– Что за бизнес?

– Торговля, – ответил Марк. – Но тебе пока рано знать подробности.

– Погоди, а как же корочки? Я думал, ты – пожарный инспектор. Или это психобумага, как у Доктора?

– Какого доктора?

– Не смотрел «Доктора Кто»? Проехали.

– Как ты сказал? «Психобумага»? Любопытно. Нет, на самом деле всё проще – поддельные документы.

– Это часть вашего «бизнеса»?

– В каком-то смысле. Позже объясню.

Фред недовольно прищурился.

– Сейчас.

– Пойми правильно – мы, – он замолчал, подбирая слова, – ищем одного человека, и нам крайне важно не ошибиться. Если ты – он самый, значит нам с тобой по пути.

– Как вы поймёте, что я – это он?

– Что ты помнишь из детства? Что-нибудь хорошее, приятное, доброе.

Фред потупился. Он не помнил почти ничего. Худшие воспоминания ревели сиреной в мозгу. На их фоне всё хорошее звучало не громче музыкальной шкатулки. Впрочем, кое-что нашлось.

– Кубок Стэнли. «Торонто Мэйпл Лифс – Монреаль Канадиенс». Это был, конечно, не плей-офф – билеты стоили бы неподъёмной суммы. Но и победы «листьев» хотя бы в регулярном сезоне мне было более чем достаточно, – он погрузился в воспоминания. – С нами тогда был Чак, – тут он похолодел. На ум пришли события в магазине.

– Они с твоей мачехой были знакомы?

– Да, и очень давно. Кажется, ещё до моего рождения, –

сказал он в пустоту.

– Фред? – голос Марка вернул того в реальность. – За весь твой рассказ ты ни разу не упомянул детский сад и Риту Сёрчер.

– Потому что я её не помню.

– Я должен тебе признаться, и, поверь, больше не хочу врать. Ни минуты. То, что я скажу дальше, я хочу, чтобы ты воспринял как можно легче.

Фред сжал кулаки. Чтобы успокоиться, он глубоко вдохнул и задержал дыхание. Опустил руки на колени.

– Я готов.

– Рита Сёрчер работает на меня. Если Генрих – мой водитель и ближайший помощник, Рита – одна из тех, кто собирает информацию.

– Что ещё?

– Элизабет Стоун. Понимаю, что это самая болезненная тема, но ты должен это знать. Она знала, что будет пожар. Не могу сказать точно, была ли она причастна к пожару, но она была в курсе, и заранее вынесла тебя из комнаты.

Фред ударил по скамье.

– Зачем ты всё это рассказываешь?!

– Убийство твоих родителей было спланировано и тщательно продумано организацией под названием «Полярная Звезда». После поджога, организация подделала рапорты полиции. Как ты понимаешь, «Полярная Звезда» очень влиятельна. Если быть точным, твоими родителями занималось

региональное отделение – «Полярная Звезда Торонто».

– Хватит!

– Как скажешь. Но ты хотел ответов.

– Выдвигаемся, – сказал он. – Как можно быстрее. По-
дальше от этого места. Хоть на Луну, хоть на Марс. Хоть
на Небеса.

– Что если я скажу тебе ещё одну вещь?

– Давай, добей меня!

– Только если успокоишься.

– Парень, ты лучше води себя прилично, – вмешался Ген-
рих. – Марк не любит психов и может очень многое.

– Хорошо, – сдался Фред.

– Когда-то я работал на «Полярную Звезду Торонто»,
но ушёл оттуда. Я устроился в эту организацию только для
того, чтобы узнать правду. И я узнал её. И правда потрясла
моё воображение! Я почувствовал себя рыбкой, что выросла
в аквариуме, а попала в океан.

– К чему ты ведёшь?

– Наконец, десерт.

Марк положил на скамейку возле Фреда фотографию.
Фред даже не стал спрашивать, откуда у Марка это фото –
теперь он ничему не удивлялся. На фото были женщина
с длинными каштановыми волосами и ребёнок семи лет,
одетый в майку с логотипом Кубка Стэнли. Оба, счастли-
вые, стояли на фоне стадиона «Скоушабэнк-арена». Маль-
чик показывал жест, похожий на рокерскую «козу», но бы-

ло в этом жесте нечто особенное. Во-первых, указательный палец и мизинец были строго параллельны, во-вторых, большой палец лежал на указательном. Те, кто не знали истинного значения жеста, подумали бы, что он больше подходит для рок-концерта, и уж точно не для семилетнего мальчика, но те, кто знали, могли увидеть в этом простом жесте историю, что охватывала судьбы миллионов людей.

– Обрати внимание на этот жест. Узнаёшь его?

– Нет, – Фред соврал. При виде жеста, по его груди разлилось тепло, а затем нахлынула возвышенная радость. Хотелось плакать и возносить мальчика на фото на руках.

– Это ты, – Марк указал на мальчика. – Но это ещё не всё.

Увидев то, что было на второй фотографии, Фред забыл, как дышать. Лицо окаменело. Пальцы непроизвольно сжались в кулак, а зрачки расширились. Рот открылся. Фред почувствовал себя рыбой на суше.

– Откуда это у тебя? – прохрипел он, не глядя на Марка. – Она не может быть реальна!

На фото было то, что Фредди в детстве часто видел во сне. До семи лет, до того, как начал принимать лекарства. Здание, которого не могло быть, стояло на площади. От него расходились лучами белые улицы, такие ровные, что создавалось впечатление, будто все дома высечены из цельного куска мрамора. С высоты, с которой была сделана фотография, едва-едва различались мостовые из светло-серых плит, но ясно выделялась одна достопримечательность, которую

нельзя было спутать ни с чем – огромная башня в форме шестиугольной призмы, с семью пиками на вершине.

– Скажи мне, что это монтаж, – Фред посмотрел Марку в глаза. – Скажи, что это нарисовали в «Фотошопе» по моим детским рисункам, или взяли под гипнозом, когда я был маленький. Скажи мне это!

Марк лишь медленно покачал головой.

– Город реален.

– И всё, что я воображал... Все видения...

– Реальны.

2

Дальнейший путь лежал на север штата, и это были долгие – бесконечно долгие – тринадцать часов. Можно было доехать и за десять, если бы не приходилось останавливаться. Как объяснял эти остановки Марк, это были меры предосторожности.

Чем дальше ехали, тем меньше оставалось вечерних огней, тем увереннее властвовала ночная тьма. В неё ушли небоскрёбы, жилые кварталы и многоэтажки, а позже – фермерские поля. Кончились приветливые лесопарки, идеальные для семейного отдыха. Всё реже мелькали за окном лиственницы и всё чаще – ели и сосны.

Ближе к концу поездки, Фред заснул, а Марк пересел на переднее сиденье.

– Как поживает Беатрис? – поинтересовался он у Генриха по-немецки.

– Чудно, – ответил тот. Получилось немного резковато.

– Что-то не так?

– Этот Фред. Ты в нём уверен?

– Больше чем в себе.

Недолгое молчание.

– Помнишь тот день, после гонки, в Мюнхене? – спросил Генрих.

– Конечно. А что?

– Я, конечно, сделал вид, что поверил тебе, но, – Генрих подбирал слова. – Я боялся. До ужаса! А этот? – он качнул головой в сторону пассажирского сиденья. – Будто на прогулку с друзьями собрался!

– Генрих, спокойно. Может, он, как и ты, боится, но не подаёт виду.

– Ага! Конечно, – он только теперь вспомнил, что рядом спит человек и заговорил тише. – Сомнения, Марк. Со-мне-ни-я.

– И в чём они, твои сомнения? – весело спросил Марк.

Тот ничего не ответил и, переключившись на дальний свет, прибавил скорости.

– Хочу поскорее с этим закончить.

Цивилизация перестала напоминать о себе к полуночи. Кончилось Трансканадское шоссе, и машина съехала на грунтовую дорогу. Когда показались первые звёзды, се-

ребристый «Опель» остановился посреди хвойного леса.

Генрих вышел, размял ноги и захлопнул дверь. Фред проснулся, потянулся и протёр глаза.

– Где мы?

– Это место называется «слабой зоной». Пойдём, – Марк помог ему выйти.

Генрих сошёл с обочины и начал спускаться со склона напрямик в дикую чащу. За ним это сделали остальные двое. Жёсткие кусты, острые неровные валуны и мягкая грязь мешали идти. В темноте невозможно было разглядеть, что находится в десятке шагов, и даже фонарик Генриха едва помогал. Дошли до оврага. Марк остановился и оперся спиной о сосну. Фред уселся под деревом, а Генрих встал перед оврагом, посмотрел в небо и прищурился.

Марк закрыл глаза, положил пальцы себе на виски и чуть запрокинул голову, вдохнул и задержал дыхание. Прошло полминуты. Его губы едва заметно зашевелились. Чуть позже он резко выдохнул.

– Энергопотоки сместились. Артэум откроет Тоннель на дороге, четыреста метров к северу через девятнадцать минут.

– Отлично, – Генрих широко улыбнулся.

– Что «отлично»?

– Не будем тащиться на своих двоих.

– Только не дури, немец. Бегом!

Обратный путь через заросли дался куда тяжелее, пото-

му что и вправду приходилось бежать. Фред нацеплял веток и репейника, опытный Генрих почти не потрепал одежду, а Марк даже не запачкался.

– Бегом, бегом! Тоннель на пять минут.

– Твою... – Генрих буквально прыгнул за руль. – Поторопитесь, оба! – он нервно барабанил пальцами по рулю, пока Фред и Марк не заняли места.

Автомобиль разогнался. Генрих со всей силы вдавил педаль, вцепившись намертво в руль. Он делал это не в первый раз, но не смог отделаться от лёгкой дрожи в ногах и пальцах.

Всё исчезло в один момент. Распалось на мелкие-мелкие белые точки. Писк в ушах. Кровь из носа. Звуки на несколько мгновений затихли. В бледной немой пустоте, появился первый звук. Это было похоже на журчание воды. Белизна рассеялась, обретя форму жёлтого диска. Солнце. Вокруг – голубое небо. Под ним – трава и лес. Другой, совсем другой, с огромными листьями и длинными ветвями, что тянулись вверх, причудливо извиваясь.

Бах! И автомобиль тряхнуло. Фред сглотнул, и звуки появились вновь. С ними оформились очертания салона, Марка и Генриха. Оба спокойно общались, будто ничего и не произошло.

– Самое сложное позади, – пояснил Фреду Генрих. – Теперь только добраться до города.

Ветви, дикие, словно осмелевшие, тянулись над дорогой и «нагло» били по стеклу. Казалось, в этих необуз-

данных джунглях нет места и намёку на цивилизацию, но все же здесь проходила дорога. Конечно, не канадская трасса, а обычная серая грунтовка, однако её хватало на то, чтобы автомобиль почти не трясло.

Будто мальчишка, Фред прижался лицом к стеклу и открыл рот. Полюбоваться было на что: растения, окружавшие дорогу, не были знакомы Фреду ни по школьным учебникам, ни по каналу «Дискавери». Что-то общее в них было с бамбуком, но по форме они скорее напоминали то ли пальмы, то ли гигантские лопухи, медленно кивающие на ветру. Под сенью этих гигантов нашли себе место десятки и сотни видов незнакомой флоры. Где-то попадался вездесущий папоротник, но где-то мог из-за кустов промелькнуть загадочный плод с яркими жёлтыми и красными полосами, а иногда и белый в чёрную крапинку. Некоторые дикие плоды очень походили на апельсины и киви. Много раз попадались цветы, ужасно напоминавшие губы. Когда лес сгустился, папоротник почти исчез, а вот жёлто-красный плод начал появляться чаще.

Лес неожиданно оборвался. Открылась просторная зелёная равнина. Трава была, чем дальше от дороги, тем выше, а вдаль, где начинались холмы, она наверняка могла бы скрыть человека на лошади. Именно такое впечатление складывалось оттого, что трава колыхалась даже от слабых дуновений ветра. Холмы были огромны и плавны, словно вытесанные рукой мастера, и напоминали очертания женского те-

ла. Там, за холмами, в низинах, изредка мелькали сверкающие на солнце голубые озёра, даже отсюда казавшиеся невероятно холодными и глубокими. Изредка, на холмах, мелькали белые или жёлтые домики.

Фред не мог оторваться. Всё это выглядело как сон сумасшедшего, ведь, как известно, только сумасшедшие видят цветные сны. Вот только ощущалось это всё настолько реальным, настолько живым, что на сон больше походила прежняя жизнь, а не те холмы, не та трава, и даже не те полосатые фрукты. Фред чувствовал, что родился даже не заново. Впервые. На уровне каждой клетки он ощущал в себе перемену. Другой, новый Фред, просился наружу, пытался просочиться слезами и достучаться сердцем. Казалось, он не заслуживает всей этой красоты, этой новой жизни.

– Открой окно! – радостно и многообещающе воскликнул Марк.

Фред так и сделал. То, что он испытал, стоило бы сравнить с первым полётом. Свежий, холодный, сочный и «дерзкий» ветер ворвался в салон и растормошил застоявшийся воздух. Словно любопытные, потоки ветра прощупывали каждую клетку его кожи и каждый изгиб лица. Этот ветер приносил издалека интуитивно знакомый каждому запах мокрой свежескошенной травы. В ней, в этой траве, ещё сохранилась древняя народная песня, аромат лугов, не изведавших пестицидов. Этот ветер нёс по миру и песню, и эту траву, и само счастье.

Воздух обрёл приятный горьковато-сладкий привкус, тонкий, едва-едва уловимый. Хотелось закупорить его в баночку и доставать, когда захочется. Но привкус быстро исчез, оставив о себе лишь воспоминания. Небо, между тем, стало мягким и чуть сиреневым. Над холмами, у самого горизонта, оттенок уже был ярче и приближался к уверенному фиолетовому. Сама же трава, когда на небо нашли тучи, сделалась зелёной со слабым оттенком серо-голубого. Цвета, цвета, феерия цветов! Фреду не верилось, что он видит их, чувствует их, но он видел, и не только глазами, но всем телом.

Знакомый для уха раскат грома и мелкий моросящий дождь по крыше. Хоть что-то здесь такое же, как в Джейн энд Финч. Окно закрывать не хотелось. Напротив, открыть пошире, и более того, распахнуть люк, о чём Фред попросил Генриха. Тот отказался, так как не хотел мочить салон.

«Старый зануда», мысленно окрестил его Фред.

– Марк! Мы где?

– В другом мире!

Фред рассмеялся. Не оттого, что не поверил. Напротив, поверил, и всем сердцем. Просто сама правда казалась настолько абсурдной, что хотелось смеяться и смеяться над ней как сумасшедший.

– Добро пожаловать в Мир Высокой Энергии!

– А почему не в рай?

– Потому что мы живы. Я ведь объяснял всю дорогу.

Фред помотал головой.

– Ничего не помню.

– Тоннельное помутнение, – кивнул Марк. – Такое бывает, если не привык шастать между мирами, как мы с немцем. Он ещё и умудряется держать руль. Генрих, ты как?

– Будто пьяный, – усмехнулся тот.

– Ты на себя наговариваешь. На самом деле он трезвый как стёклышко! Слушай, ты молчал почти всю дорогу. Расскажи Фреду, как ты выиграл гонку в Мюнхене.

– Это было давно. Нечего рассказывать, обычная гонка.

– Неправда. Это была экстремальная гонка – в адских условиях бездорожья, в ливень как из ведра. Генрих не просто победил. Во время гонки у него на бардачке был стакан воды. За всё время гонки из стакана не вылилось ни капли.

– Ну, может быть пару капель.

– Благодаря этой победе, Генрихом заинтересовалась «Полярная Звезда».

– А когда Марк ушёл из «Опеки», я решил – ну их к чёрту. И пошёл работать на Марка.

– «Опека»? – Фред озадачился и напрягся. – Да, ты рассказывал о них. Ублюдки, которые меня пасли. Поверить не могу – ты был среди них.

– Усыплял их бдительность. Но теперь мосты сожжены. Считаю, мы с тобой, Фред, пересекли Рубикон. Отсюда начинается новая жизнь.

На горизонте появился городок. Здания по высоте не превосходили пару этажей. Похожие друг на друга бело-голубые

дома, окруженные деревьями и кустами, тянулись вдоль параллельных улиц. Чуть позже показался более строгий и монотонный, и, в то же время, более стройный ряд белых домов.

Автомобиль остановился посреди улицы. Земля здесь была сплошь покрыта ровной как стол светлой жёлто-серой плиткой. Около домов цвели клумбы, изобилующие такими же цветами, что попадались в лесу. Все дома выстраивались один за другим, сливаясь в параллельные ряды. Соединённые мостами-арками, они образовывали, второй ярус, по которому можно было ходить. Такие же арки тянулись над улицами, что позволяло гулять по верхнему ярусу вдоль и поперёк.

Местные жители одевались ярко, причём у большинства одежда состояла из отдельных монотонных лоскутов, перевязанных поясами на бёдрах, локтях, запястьях и коленях. Особой разницы между мужской и женской одеждой не было, разве что у женщин была обнажена талия. Дети вообще бегали почти раздетыми. Кожа у местных была светло-бронзовая, волосы, в основном, тёмные или русые. По лицам нельзя было сказать, довольны ли они жизнью. Кто-то улыбался или смеялся в беседе с другом, кто-то ругался, а некоторые, в основном старики, сидели на скамьях и покуривали трубки, обсуждая что-то важное. Мужчины неспешно гуляли по улицам, а женщины следили за детьми.

Взрослые поначалу не обращали внимания на подъехав-

ший автомобиль. Только мужчины, с деловым видом, рассматривали его, покусывая странные чёрные палочки. Загорелые дети с любопытством кружили вокруг машины, не понимая, что могут попасть под колёса. Их мамам приходилось подбегать и уносить их подальше от дороги. Хотя, как ни странно, никакой враждебности эти женщины к чужеродному транспорту не проявляли. Транспорт для них был чем-то вроде погодного явления или непонятного зверя, от которого лучше держаться подальше.

Генрих недовольно посигналил, чтобы распугать детей. Тем понравилось, и они начали передразнивать звук гудка. Потихоньку, улица за улицей, иномирный «Опель» продвигался к центру города. Туда, где виднелось единственное высокое здание.

У Фреда перехватило дыхание. Огромная шестигранная башня. Та самая.

Всё, что растворилось некогда в детских снах, теперь явилось перед глазами. Серая громадина с плоской крышей и семью пиками: шесть по углам и один в центре – самый высокий. На последнем красиво реял зелёный в жёлтом обрамлении флаг с символом, издавна напоминающим букву «Y».

Народ не только не расходился от гудков: не зная значения этого звука, толпа, наоборот, только скапливалась на улице. Ехать стало невозможно.

– Мне это надоело. Марк! Может, пройдемся пешком? Эй! – крикнул Генрих, высунувшись из окна.

«Эй!» отвечали ему полураздетые загорелые дети.

Вначале город казался прекрасным, выбеленным и ухоженным, однако, чем дальше к центру, уже пешком, продвигались трое, тем меньше улицы радовали и восхищали, и тем больше вызывали смешанные чувства. Это выражалось в клумбах. Чаше попадались сорняки, что не срезанными лозами удушали благородные цветущие растения. Выражалось и в стенах – трещины, плесень и мох проедали их то здесь, то там.

Каждая стена была расписана незаметным с первого взгляда узором. Но стоило ненадолго задержаться на ней, как узор будто сам собой проступал, напоминая то мороз на окнах, то орнамент, а то и древние письмена, стилизованные под единый рисунок. Это удивляло и немного отвлекало от запущенности и упадка. Быть может, первое впечатление об этом чудном городке замылило взгляд, и детали, портящие его, не сразу бросились в глаза.

Мелкий дождик, плавно перешёл в снег. Снежинки ложились прямо на яркие красные цветы и зелень, и быстро таяли. Улица покрылась тонким слоем снега и влаги. Что особенно восхищало в местных жителях, они настолько привыкли к резким сменам погоды, что и в холод одевались по-летнему. У большинства были открыты плечи, руки и ноги.

Трое пробились сквозь тучи любопытных зевак. Марк их не замечал, а Фред улыбался им шире лица. Походка его постепенно стала уверенной, размашистой. Генрих шёл поза-

ди и настороженно наблюдал за Фредом. Что-то ему явно не нравилось. То ли уверенная походка, то ли некая только что проявившая себя надменность. Генрих, пускай и заочно, слишком хорошо знал Фреда, чтобы быть уверенным – да, это он самый. Но Марк шёл рядом, спокойно глядя вперёд, в сторону башни.

Словно подтверждая мысли Генриха, Фред внезапно подхватил подбежавшего к нему ребёнка и усадил себе на плечо.

«Я знаю народы, в которых прикасаться к детям считается смертным грехом. Говорят, это убивает душу ребёнка».

Но Фреду было всё равно. Он вёл себя как турист и ни капли не стеснялся бесцеремонно похлопывать мужчин по плечу и щипать женщин пониже спины.

– Шайзе! – не вытерпел Фогель и подошёл к Марку. – Скажи ему, чтобы так себя не вёл. Он в чужом незнакомом мире.

– Расслабься, Птица. Видишь, люди ему рады.

– Ещё раз переведёшь мою фамилию, и можешь искать себе другого водителя!

Между тем, показалась круглая площадь, в центре которой и возвышалась та самая башня. Вблизи она смотрелась не такой уж и громадной. Башня была выложена из цельных каменных блоков, примерно с полтора роста высотой каждый. Камень, от времени и, видимо, долгого отсутствия заботы, покрывали трещины и поросли. В одной стене даже остались дыры, где раньше гнездовались птицы. Даже они теперь опустели.

– Фредерик Уолтер Берроу, – произнёс Марк, положив руку на камень стены. – Ответственно заявляю тебе – это не «Фотошоп», не монтаж и не игра твоего воображения.

Тот отпустил мальчишку. Почему-то, выражение лица ребёнка изменилось. Когда приблизились к башне, глаза у него округлились. Мальчик выглядел испуганным. Соскочив на побитую временем плитку центральной площади, он поторопился убежать с неё, причём так, будто камни обжигали ему пятки.

– Что с ним?

– Эта площадь, и эта башня, считаются проклятыми. Как и тот район, куда мы сейчас пойдём.

Только сейчас Фред заметил, что никто из людей, что собрались на улицах, не стоит на площади. Толпясь на самой границе, они со смесью ужаса и трепета глядели на пришельцев. Можно было расслышать одно общее слово, которое ходило по толпе. То ли «кри», то ли «ирм».

– Жители этого городка на протяжении веков, из поколения в поколения, хранили одну легенду. Легенду о человеке из давно ушедших времён.

Снег прекратился, так и не успев отлежаться. Из-за туч выглянуло солнце, и за несколько минут, пока трое шли на восток от башни, успел растаять.

Успокоившись и немного попривыкнув к тому, что вокруг – совершенно незнакомый мир, Фред начал вспоминать многочасовую лекцию, которую читал ему в машине Марк,

пока те ехали на север Онтарิโอ.

3

Восемью часами ранее. Серебристый «Опель» уходил всё дальше на север по Трансканадскому шоссе. По мере того, как он удалялся от Торонто, Фред чувствовал себя спокойнее. Глядя в темноту, освещаемую фарами, он представлял себе, как его тревоги и страхи, маленькая квартирка, мачеха Стоун, и всё остальное, что он так ненавидел, растворялось в этой темноте. Но расслабляться было пока рано.

– То, что я расскажу тебе, Фред, поначалу вызовет насмешку, потом раздражение, затем шок и, наконец, гнев. Ты должен преодолеть эти стадии, чтобы перейти к принятию.

– Нет, давай так: я буду задавать вопросы, а ты отвечать. А то у нас получится лекция, а лекции я терпеть не могу.

– Хорошо.

– Ты намекал на другие миры, так?

– Верно.

– Это что-то типа параллельных измерений?

– Да. Что-то типа. Но пока тебе не стоит об этом задумываться. Говоря на твоём языке, не парься.

– Почему? Мне интересно.

– Я не могу рассказать всего сразу. Что тебе нужно запомнить – есть шесть миров. Тот, в котором мы сейчас находимся – Мир Полярной Звезды. Отсюда и название организации.

– Забавно. У нас в Торонто есть БЦ «Полстар».

– Это не совпадение. Скажем так, если хочешь что-то скрыть, держи на виду.

– Серьёзно?! То есть, сотрудники «Полстар» – это...

– Агенты одноимённой тайной мировой организации. У каждого мира свой статус: открытый или закрытый. Есть ещё один запретный мир, но об этом поговорим потом. В закрытых мирах жители делятся на посвящённых и непосвящённых. Подавляющее большинство жителей Мира Полярной Звезды – непосвящённые, то есть, не знают о существовании других миров.

– И какой в этом смысл?

– Очень простой – власть. За сохранением статуса-кво следит Доктрина Границ, или просто Доктрина. Это договор между мирами, один из принципов которого – Принцип незнания. Куда проще контролировать массы, когда в их головах искажённая картина реальности. Есть так называемая Парадигма – это то, во что верят непосвящённые. И есть тайные мировые организации: «Полярная Звезда» и «Южный Крест», которые следят за соблюдением Доктрины.

– Так-так-так, стоп! Опять начинается лекция. Мы договорились – я задаю вопросы.

Марк развёл руками.

– Рептилоиды существуют?

– Нет.

– А масоны действительно правят миром?

– Масоны – «кукла», отвлекающая внимание, как и легенды о рептилоидах.

– А пришельцы с Нибиру? «Люди в чёрном»? Вампиры, зомби, призраки? А в параллельном мире есть эльфы, гномы, орки?

– Фред, перестань нести чушь.

– А единороги существуют?

– Это то, о чём я говорил – насмешка.

– Никакой насмешки! Я серьёзно. Моя картина мира пошатнулась, и я хочу её восстановить.

– Почему не копнёшь глубже и не спросишь, например, откуда взялась концепция рая и ада?

– Ну, – Фред на секунду замешкался. – Тут всё просто: хорошо себя ведёшь – попадаешь в рай, плохо – в ад.

– А что такое хорошо и что такое плохо? Кто судьи?

– Мне откуда знать? Наверное, всё, что угодно Богу – это хорошо.

– Волк убил кролика. Это хорошо или плохо?

– Я понял, куда ты меня пытаешься увести. Сейчас скажешь, что у волка семья, её нужно кормить. Вообще-то религия касается только людей.

– Почему ты так думаешь? Ладно, не буду тебя мучить. Ад и рай в каком-то смысле действительно есть, вот только... не по вертикали, а по горизонтали. И попадают туда не за грехи и не за праведную жизнь, а по закону кармы. Это несколько сложнее, чем ты можешь думать. Есть миры,

в которых климатические условия ухудшаются год от года, и условия жизни, а, следовательно, экономика, политика, общество, культура и всё остальное меняется под давлением этих условий. Постоянные войны, голод, нищета и социальное расслоение – вот, что такое условный «ад». Это так называемые старшие миры, то есть те, которые находятся на относительно поздних стадиях Глобального цикла. И, как ты уже понял, есть младшие миры. Полная противоположность. В таких мирах очень мало крупных городов, почти нет высоких технологий, зато много долгожителей. Разумеется, и там тоже не всё идеально, поэтому я и сказал в самом начале «в каком-то смысле».

– А мы едем в «ад» или в «рай»?

– В «рай», – немного подумав, ответил Марк.

– Уф! Успокоил.

– Предвижу твой вопрос: Мир Полярной Звезды третий по старшинству.

– Расскажи о тех, кто за мной следил.

– Мы скоро к этому подойдём. Непосвящённые делятся на два типа: фиксируемые и нефиксируемые. Первых большинство – это те, кому можно стереть память. Самый стандартный метод восстановления Парадигмы – стирание памяти, но не всегда он помогает. Некоторые люди не поддаются стиранию. Тогда в дело вступают газлайтеры и охотники. Сначала газлайтеры пытаются свести нефиксируемого с ума – внушить ему, что его знание, которое противоречит

Парадигме, не более чем плод фантазии. Если это не помогает, в игру вступают охотники.

– Убийцы? – догадался Берроу.

– И да, и нет. Как правило, они очень редко лично убивают нефиксируемых. Чаще подстраивают несчастный случай. Но есть и более гуманный путь – извлечение. Последнее означает похищение и перемещение в один из открытых миров. За извлечением следует адаптация – человек начинает новую жизнь на новом месте. В лучшем случае, это будет счастливая жизнь. Но назад извлечённый уже не вернётся.

– То есть, то, что происходит со мной... это извлечение?

– Чисто технически, да. Я не нарушаю Доктрину. На самом же деле, я совершаю ход в большой игре, которая направлена на уничтожение Доктрины. Я ненавижу Доктрину, и моя мечта – сделать так, чтобы её не стало. Но таких, как я очень мало. Нас поддерживает Култ. Нас поддерживают многие агенты Доктрины. Нам не хватает единого лидера, а для того, чтобы он появился, должно произойти эпохальное событие. Такое как возвращение Инкрима в Чхимтосэн.

– Я должен стать лидером?

– Ты был им в прошлой жизни. И ты им станешь, если хочешь победить Доктрину. А я знаю, ты хочешь, потому что Доктрина убила твоих родителей.

– Получается, я – классический «избранный», – вздохнул Фред. – У меня нет родителей и я должен спасти мир. Причём не один.

– «Избранные» – не такое редкое явление, как ты думаешь.

4

– Фред, ты с нами? – пощёлкал пальцами Марк.

– Задумался чутка.

Кругом были деревянные постройки. Сделанные из подручных материалов, они громоздились друг на друге словно опять на пне.

– Ты куда меня притащил?

– Это восточный район, или район Культа.

Впереди стояла женщина лет шестидесяти с длинными тёмными волосами и круглым загорелым лицом, одетая в чёрный балахон. Чуть позади от неё переминались с ноги на ногу двое молодых мужчин с короткими бородками и в такой же одежде.

– Афии ами́, га́ума Варави́т, – поприветствовал её Марк.

– Оу афии, Кайрил, – отозвалась та с улыбкой.

– Знакомься, Фред, настоятельница Культа Саундара – Варавит.

Когда женщина и двое мужчин плавно поклонились, Фред на миг почувствовал себя китайским ваном. Немного смутившись, он потупился, а затем выставил руки вперёд.

– Не стоит!

Он подбежал к мужчинам, чтобы пожать руки, но Марк

его остановил.

– Здесь приняты другие жесты.

– Ничего страшного, – вдруг ответил на ломаном английском один из мужчин. – Пока искали Инкрима, мы успевали учить культуру Сата. Я не против, – тот протянул руку. – Увар.

Фред ещё раз назвался по имени и спросил, что за «Сата».

– Так называется ваш мир. Неофициально. Слово «сáта» означает «звезда».

– А, понятно, – он повернулся ко второму мужчине, но тот руки не подал.

– Уважаемая Варавит, – вмешался Марк, – я должен убедиться, что всё готово. Фреду ещё предстоит адаптироваться.

– Всё готово, – не изменившись в лице, ответила настоятельница. – Готов ли сам Инкрим?

– Я уверен в нём на сто процентов, или, как бы вы сказали, на тридцать шесть долей.

– Фред Берроу, – обратилась Варавит напрямую. – Я задам тебе три вопроса. Если ты ответишь правильно, мы позволим тебе переступить черту.

– Вон ту, что ли? – он обратил внимание на неглубокую борозду, пересекающую дорогу за спинами троих в чёрном.

– Первый вопрос, – произнесла она твёрдо и холодно. – Какое животное лучше всех прячется в лесу?

– Он уже отвечал на вопросы, – вмешался Марк. – И от-

ветил пра...

– Охотник, – не задумываясь, ответил Фред, глядя в лицо Варавит. Все трое служителей Культа застыли в изумлении. – Второй вопрос: почему? Ответ: потому что он всегда выходит победителем. Третий вопрос: кто мне это сказал? Ответ: мой отец.

Варавит на секунду коснулась пальцем левой брови. Состоялся немой диалог между ней и Марком, пока настоящая не произнесла:

– Хорошо, я дам ему шанс.

– Раз так, – улыбнулся Марк, – я могу всё проверить?

– Кайрил, ты всегда можешь являться без предупреждения, – смягчилась Варавит, но в следующий миг её лицо окаменело. – А вот твой тэн останется снаружи.

– Не больно-то и хотелось, – проворчал Генрих и скрестил руки.

Подниматься на верхние этажи приходилось по шатким скрипучим лестницам. Таких лестниц была тьма, причём как внутри, так и снаружи домов. Сами эти дома больше походили на сараи. То и дело попадались на глаза щели, кое-как замазанные глиной. В окнах не имелось стёкол – вместо них висели деревянные ставни, обитые войлоком. Почти все они были открыты настежь.

Хозяйка вела гостей извилистым путём, и часть этого пути пролежала по крышам. Один из проходов, устланный досками, находился на самом краю, не огороженном даже эле-

ментарным бордюром. Однако служители Культа спокойно ходили по этому проходу, и даже дети бегали по нему без опаски. Пришлось пригнуться, когда навстречу прошёл мужчина с коромыслом, несущий два объёмных ведра.

Несмотря на общее убожество, трудно было заметить хотя бы одну соринку или кирпич, лежащий без дела. Все кругом суетились, прибирались, и это не походило на аврал перед появлением важного гостя. Служители не торопились: кто-то подметал, кто-то чистил кастрюлю, наматывал проволоку или выправлял гвоздь. Казалось, никому нет дела до прибытия Инкрима.

Пока шли, то спускаясь во дворы, то поднимаясь на крыши, Фред запутался и забыл дорогу обратно. Наконец, миновали три двора, и настоятельница отодвинула занавеску на втором этаже, приглашая гостей внутрь.

– Это наша кухня, она же – приёмная, – похвасталась она, показывая не самое просторное, но вполне светлое помещение. Большую его часть занимал огромный стол. По стенам были развешаны многочисленные шкафы разной степени изношенности. Стульев не было, только табуреты и лавки.

Марк торопился и попросил Варавит сразу показать спальню Фреда, не задерживаясь. Однако через минуту он пожалел об этом, ведь спальня находилась в дальнем конце «муравейника», и шагать до неё предстояло ещё столько же. По пути Марк задавал хозяйские вопросы: где Фред будет спать, есть, мыться, есть ли во что переодеться и так далее.

Варавит постоянно вводила разговор в сторону богатой библиотеки, в которую, как она подчеркнула дважды, Фреду будет позволено заходить.

За полтора часа обойти удалось только самые главные места: кухню, столовую, спальню, туалет, душевую, прачечную и расхваленную библиотеку. Последняя действительно внушала уважение: здание было самым ухоженным, сухим и уютным. Полки с книгами уходили вверх на два человеческих роста. Как и полагается, здесь царила благоговейная тишина.

– Помни всё, что я рассказал тебе в машине, – положив руки Фреду на плечи, дал наставление Марк. – Тебе предстоит жить среди этих людей. Они теперь – твоя семья. Стань для них своим. Я должен ехать, но постараюсь вернуться как можно скорее.

Он отвернулся, вспоминая, что ещё забыл сказать.

– Повтори всё, что ты должен знать.

Мысли роились, не желая складываться в единую картину. Из всего, что Фред узнал за последние сутки, он сумел выдать лишь одну фразу:

– Я в опасности.

– Хорошо. На первое время сгодится. Уважаемая Варавит, оставляю его под вашу ответственность, – Марк низко поклонился.

Он опять повернулся к Фреду.

– Уважай этих людей. Помни, что Култ тысячелетиями

хранит свои тайны. Если бы не тайны, невозможно было бы доказать ни одну реинкарнацию. Так поступают все культы великих людей прошлого. Из поколения в поколение культы передают знания, которые могли быть доступны только прежней инкарнации. Когда появляется претендент на признание его реинкарнацией, он должен предоставить культу доказательства. Тебе предстоит доказать, что ты – Инкрим. Так что, будь добр и прояви максимально почтение.

– Да-да, я понял.

– Ни черта ты не понял! Ты здесь никто. Твоя задача – доказать, что ты – Инкрим. От этого зависит... всё.

Тут, впервые за долгое время, Фред ощутил, как по его спине гуляют мурашки. Он поёжился, потёр локоть.

– А если не докажу?

– Никаких «если». Ты это сделаешь.

5

Семью часами ранее. Штат Онтарио, Трансканадское шоссе.

– Теперь самая сложная, но очень важная тема: карма и реинкарнация. Что ты о них знаешь?

– Индусы верят, что если ты вёл себя как мудака при жизни, то переродишься букашкой. Ну, или каким-нибудь ещё животным.

– Так. А что если я скажу тебе, что карма – не наказание?

Те, кто считают карму наказанием – клинические идиоты. Карма – закон. Объективный и доказанный в других мирах закон перерождения. Никто не знает до конца, как именно он работает, но место и время реинкарнации можно просчитать. Пускай и с погрешностью в двадцать-тридцать лет.

– Меня просчитали?

– Твоё рождение, если быть точным. Но перед этим небольшая лекция. Да-да, знаю, ты их ненавидишь. Потерпи немного. Приготовься: будет много информации, которую ты должен запомнить как «Отче наш». Там, куда мы едем, это знают даже дети. Реинкарнация – не просто верование, распространённое в открытых мирах, но твёрдое знание. Ничто никогда не уходит бесследно, в том числе и душа. После смерти все живые существа перерождаются в одном из многочисленных миров, большинство из которых ещё не открыты. У каждого человека, помимо физического тела, есть два энергетических: тонкое и астральное.

Фред зевнул.

– Ага, продолжай.

Марк сделал вид, будто не заметил этого.

– Тонкое тело рождается вместе с человеком и умирает вместе с ним. Астральное тело – его ещё называют монадой – продолжает существовать после смерти физического тела, и способно переселяться. По сути, реинкарнация – это переселение астрального тела из одного физического тела в другое согласно законам кармы. Теоретически, можно пе-

реинкарнировать в любое живое существо, однако реинкарнацию крайне сложно просчитать и зафиксировать. Случаев, когда реинкарнация доказана и признана единицы за столетия, и все эти случаи – это реинкарнации одних людей в других. Не доказано ни одного случая перевоплощения человека в тело животного и наоборот.

– Тогда откуда известно, что душа переселяется в животных?

– Я же сказал «теоретически». Чтобы можно было фиксировать реинкарнации знаменитых людей, некоторые детали их биографий хранятся в строжайшем секрете. Этот секрет хранится культом – группой людей, что хорошо знала человека при жизни и передаёт его тайны из поколения в поколение. К сожалению, культ почти никогда не образуется вокруг обычных людей, не обладающих высоким статусом, поэтому их реинкарнации, даже если и появляются где-то, остаются непризнанными. Тебе повезло.

– Ура?

– Пока рано радоваться. Очень часто лучшие друзья, братья, возлюбленные или враги реинкарнируют примерно в одно и то же время. Отклонение бывает плюс-минус в двадцать лет. Это понятно?

– В общем и целом. Сколько раз я перерождался?

– Сейчас важен другой вопрос: кто реинкарнировал вместе с тобой.

Марк и Генрих возвращались в «слабую зону». Солнце уже было высоко в небе, хотя изначально Марк планировал вернуться в Сата до полудня. Его одолевало беспокойство, казалось, он что-то упустил.

Стоял дурманящий зной, который только усиливали заросли деревьев и лиан. Из этой жары хотелось выбраться как можно скорее. Марк уже думал о прохладном утреннем воздухе Канады, но неожиданно произнёс:

– Притормози.

Генрих отвлёкся от дороги и посмотрел на Марка как на сумасшедшего:

– Серьёзно? Тоннель вот-вот закроется.

– Притормози, Птица. Я чувствую, что-то не так.

– Если притормозим, следующий Тоннель откроется только через сутки. Ты хочешь провести сутки в этом лесу?

– Не хотелось бы, – произнёс на выдохе Марк. Взвесив «за» и «против», он досчитал до трёх.

– Ладно. Поехали.

Надавив на газ, Генрих погнал машину прямо в мутный вибрирующий слой воздуха. И автомобиль исчез.

Глава 3. Новый дом

1

В женщине, лежавшей на столе, трудно было узнать Элизабет Стоун. Она тряслась, тяжело и часто дышала, стучала зубами и с ужасом глядела в потолок. Под глазами у неё были красные мешки. Слез не было – только боль, которая никак не могла выйти наружу.

В неясном свете лампочки сверкнула лысина. Мужчина в кремовом пиджаке снял и протёр очки.

– Лиза, – нежно произнёс он. – Я не буду повторять десять раз. Где Фред Берроу?

Она хотела, искренне хотела сказать хоть слово, признать-ся в том, что знает и чего не знает, но тело отказывалось подчиняться.

Опустился рычаг, сверкнул короткий разряд тока. Электричество побежало по нервам Лизы, заставляя исхудавшее тело дрожать ещё сильнее.

– Элизабет Стоун, – спокойно проговорил мужчина, надевая очки и глядя на ту, что боялась посмотреть на него в ответ. – Где Фред Берроу?

Ветер усилился и стал холодным. Погода в этом мире менялась так же часто, как настроение девицы: то солнце жарило, как в тропиках, то неожиданно выпадал снег. Да и снег не задерживался надолго, освежая городскую атмосферу и делая каменные улицы ярче.

Фред печально смотрел вдаль, поёживаясь от вечерней прохлады. Он вернулся на площадь. Сопровождавшие Увар и Кордой остались в стороне, чтобы позволить кандидату на признание реинкарнацией самостоятельно осмотреться.

Народ, почему-то, так и не думал расходиться. Загорелые лица по-прежнему пестрели, вопросительно оглядываясь в ожидании какого-то чуда.

«Что?» – бывший вождь развёл руками.

Старушка в красном капюшоне вытянула руку и показала жест, напоминающий европейскую вилку от розетки – указательный, средний и большой пальцы вперёд. Тот же жест показали ещё несколько человек. Фред не понял, и неловко повторил его. Все указывали на стену, в определённую точку. Обернувшись, Фред понял, чего они хотят: они подсказывали, как войти в башню.

Историческое событие, которое должно было неминуемо произойти. Вот оно. Возвращение легендарного вождя, основателя трёх империй. Великого завоевателя, которого од-

ни обожествляли, другие – проклинали.

Фред обошёл башню-шестигранку со всех сторон, трижды. Нигде не было и намёка на дверь. Он пробовал прикладывать пальцы к щелям между блоками. Бесполезно. Наконец, он обратил внимание, куда именно указывают люди.

Нескоро вождя осенило, что надо делать. Запнувшись о торчащий обломок площадной плитки, он подошёл к стене с той стороны, что выходила прямо на широкую улицу, и приложил три пальца.

Трудно было поверить ощущениям, но камень нагрелся. Дальше больше – он размяк, пальцы начали проваливаться, как в пластилин. Затем он и вовсе стал вязким как тесто. Рука прошла по кисть. По локоть. Вот и по плечо поглотила руку серая масса. Камень теперь был жидким и почти неосязаемым, но при этом не растекался и держался в воздухе. Фред задержал дыхание и сделал шаг вперёд. На несколько секунд всё его тело окунулось в каменный кисель. Нет, по ощущениям это был тот же камень, только вязкий. Ни одного следа ни на одежде, ни на коже, он не оставлял.

Вот и пустота. Фред подумал, что ослеп. Секунду спустя, Берроу понял – у него получилось. Он внутри, в башне. Прошёл в неё сквозь стену, как Дэвид Копперфильд. Отойдя на полшага, он ощутил уже знакомый твёрдый шероховатый холод. Стена застыла так же быстро, как до этого растаяла.

На миг стало страшно. Голоса людей исчезли. Пропали звуки, запахи, ветер и всякое движение.

«А вдруг я умер? Вдруг всё, что я видел – посмертные галлюцинации? Эти люди, этот город, этот Марк...»

Берроу прижался к стене.

«Я проснулся в гробу и скоро задохнусь».

Мысли о смерти захватили его голову, но тут впереди показалась маленькая вспышка. Свет. Показалась и исчезла, как последний отблеск надежды или посмертный рефлекс.

Вот огонёк загорелся вновь. Он обрёл очертания факела. Вскоре факел нарисовал руку, за ней – лицо. Худое, пучеглазое, с горбинкой на носу.

– П-пойдёмте, вождь. Н-нечего вам тут с-стоять, – сказало лицо. Глаза на нём выглядели взволнованными, бежали из стороны в сторону, словно видели что-то в темноте. – Идёмте, идёмте.

Вспомнив, что тело у него ещё не обратилось тленом, Фред последовал за факелом.

Лицо обросло шеей, руками, туловищем и ногами. Факел держал в руках не призрак и не ангел – обычный человек из кожи, мышц и костей.

– Сюда, во-вождь, – он повернул за угол.

Коридоры и лестницы казались бесконечными. Где-то высоко мелькали синие искры. Они смеялись девичьим смехом, играли и повторяли свои движения, рисуя то восьмёрку, то круг, то хаотичные линии.

– Кими-лими! Шэп-шэп! – крикнул не-ангел огонькам. Те умолкли, а вместо них зазвучали быстрые шаги по лестнице

вниз. – Вот с-с-сюда, вождь.

Маленькую комнатку освещала единственная лампадка. Она окрашивала в жёлтый всю скромность обиталища – стол, стул, узкую кровать, котелок и корзинку с фруктами, овощами и булками.

– Присаживайтесь на плохой.

– Что, простите?

– Плохой... ой, в-виноват. Я иногда путаю произношение в энгелиш. Кровать!

Выяснилось, что смотритель просто перепутал английские слова «bad» – «плохой» и «bed» – «кровать». Хотя, по иронии, человек с факелом оказался недалёк от истины – кровать была ужасной: проваливалась и шаталась.

Человек с факелом занял скрипучий стул и повернулся к «вождю». В свете лампы стали видны капельки пота на лице смотрителя. Сам он оказался молодым человеком, не старше двадцати, с овальным лицом и добродушными карими глазами. Одет он был в чёрную хламиду и длинный красный шарф. Человек достал из корзинки узкую тыкву и два болгарских перца, из которых вынули всё содержимое. В перцы, ловко держа их одной рукой, смотритель налил что-то красное из тыквы. Один «стакан» он подал гостю своей скромной обители. Другой выпил сам. Довольно крякнув и закусив тем самым перцем из которого пил, человек расслабился и перестал заикаться. Щёки у него немного порозовели.

– Меня зовут Мэй. Как м-месяц на английском. Я уже в седьмом поколении смотритель этой башни. Полное имя Лилм-эи, но, я вас у-умоляю, зовите л-лучше Мэй.

– Я, наверное, Инкрим, – Фред протянул руку, но Мэй отшатнулся.

– Господь с вами, вождь! Мне ли не знать, кто вы такой?! Я всю жизнь только и делал, что репетировал эту встречу. А вышло, – он хлопнул себя по бокам. Как бы извиняясь, Мэй предложил яблоко. – Извините за мой английский. Но и вы, возьмите меня правильно: вернулись так неожиданно. Вас ожидали через месяц.

– Что поделать? Вот он я! – Фред сдержал хохоток от выражения «возьмите меня правильно». Он решил не отказываться от выпивки и опрокинул содержимое перца себе в глотку. Пойло, оказалось на редкость горьким. Впрочем, иного Фред не ожидал. Даже слопав перец, он не избавился от гадкого привкуса. Взяв яблоко, он откусил сразу половину. – Почему Марка здесь зовут Кайрилом?

– А он вам не сказал? Марк он только в Сата. Здесь его зовут Кайрил – это его настоящее имя. Кайрил – реинкарнация брата Инкрима. Мы очень любим и уважаем Кайрила, и всегда рады приветствовать его в наших стенах. Кайрил – друг Культа. На с-самом деле, у Культа много друзей: Арт-эум, Шиелан...

– Понял, понял. А что с реинкарна... Стоп, что?! Марк – мой брат?!

– Д-да. Марк – реинкарнация Кайрила.

– Это я слышал. То есть, в прошлой жизни мы были братьями? Точно-точно, он говорил что-то такое, вернее, намекал! Люди, которые близки... или как-то так... реинкарнируют вместе. Он ещё спросил, кто реинкарнировал вместе со мной. Вот что он имел в виду!

Между тем, за красной холщовой занавеской, что отделяла комнату от коридора, слышались детские шаги и смех, а с ними – шорох, словно кто-то водил рукой по стене. Сквозь штору были видны те же синие искры, только теперь они стали отчётливее. Теперь искры не угасали сразу, оставляя за собой неровные медленно тающие полосы.

– Кими-лими! Кэхэтэ, – сказал Лилмэи, заглянув за штору. Прибежали мальчик и девочка, лет по восемь каждому, одетые в серые рубашки и юбки. – Это мои дети. Лилитон и Калима. Калима – мальчик, Лилитон – девочка. Тэknэк, тэknэк, – помахал он руками, и дети убежали.

– Дети? Погоди, а сколько тебе лет?

– П-почти тридцать, вождь.

– Уф! Молодо выглядишь. Эй, да ты старше меня!

Мэй пожал плечами.

– А тут всегда так темно?

– Вождь, – смотритель улыбнулся и мягко провёл ладонью по стене. На стене образовался яркий голубой след, который угасал около минуты. – Чтобы было светло, нужно тереть.

Он надавил сильнее, и образовалась жёлтая полоса. За-

тем со всей силы, и свет получился чистым и белым.

– Чем сильнее давишь, тем ярче свет. У детских ладошек не такая сила, как у взрослых, и они могут делать лишь искорки. Но для того, чтобы свет был постоянным и белым, нужен мощный энергопоток.

– Хм, – Инкрим провёл рукой по стене, стараясь надавливать. Искорки вышли даже тусклее, чем у детей. – Н-да.

– Когда у нас появится мощный генератор, вся башня будет освещена как днём.

– А что мешает купить сейчас?

– Деньги, – пожал плечами Мэй.

– Точнее, их отсутствие, – подметил Фред. – Понимаю. И вы надеетесь на меня? Что я всё разрулю? Боюсь тебя разочаровать, Мэй-как-месяц, но...

На лице Мэя отразилась досада ребёнка, которому обещали Диснейлэнд, а привезли в Мир Уолли[1], который, к тому же, закрыт. В этот миг у Фреда в голове словно промелькнула молния.

«Если они меня не признают, мне крышка. Если признают, придётся отвечать. Цугцванг!»

Мэй ждал ответа.

– Я докажу, что я – Инкрим.

В восточный район вернулись уже затемно. Служители встречали Фреда, Мэя и двоих сопровождавших с лампами, но не сказать, что были рады такому позднему возвращению. Варавит отругала Мэя на непонятном языке и ударила его

по лицу. Тот начал оправдываться, всё так же заикаясь.

– Это моя вина, уважаемая Варавит, – сказал Фред. – Мы заболтались и не заметили, как время прошло.

– Ладно, объяснитесь позже. Идите ужинать и спать.

– Всегда бы так, – шепнул Фред Мэю, подмигнул и последовал за хозяйкой.

Нужно было подняться по трём лестницам. На одной из них, Фред остановился и схватился за живот, пожалев о съеденных перцах и выпитом пойле. Голова закружилась, отчего Фред едва не потерял сознание.

– О, Демиирге! И это будущий вождь? – Варавит протянула ему руку.

– Афии ами, гаума Варавит. Мас, Лилмэи, – поздоровался, между тем, сосед – лысый старик с густыми бровями.

– И тебе доброго вечера, Хмурый.

– А почему на энгелиш?

– У нас необычный гость, – воодушевлённо сказала Варавит.

– Кандидат?!

Сосед пошатнулся и выронил фонарь. Тот ещё какое-то время послужил во время полёта, отгоняя тьму, пока не ударился о землю и не разлетелся на обломки. Трудно было описать словами, какая бесконечная печаль отразилась на лице старика. Наклонившись над краем, он долго глядел вниз, будто это могло спасти вещь.

Миновав соседа, Варавит, «кандидат» и Мэй поднялись

по третьей лестнице. Зашли за дряблую зелёную занавеску. В доме был житейский беспорядок, множество тряпок, домашней утвари и всякого, на первый взгляд ненужного,хлама. Зато здесь было по-своему тепло, а на двух столах, на полу и полках не лежало ни единой пылинки. Жилище выглядело тесным. Казалось, повернёшься, и всё повалится. Но кухня была не единственным помещением дома. За ней был деревянный коридор, нависавший над внутренним двориком. С другой стороны коридор раздваивался.

– Напоминаю: налево – спальня, направо – другой коридор. У нас тут комнаты каждого дома разбросаны, но со временем привыкаешь.

Коридор то и дело ветвился. С обеих сторон постоянно попадались двери, закрытые занавесками, тазы с водой, котелки, корзинки и бочки. Под ногами скрипели половицы. Вокруг стрекотали сверчки. Откуда-то из комнаты слышался томный струнный перебор. Люди ходили туда-сюда с кастрюлями, тарелками, полотенцами и двузубыми вилками. Один небритый мужчина с пузом полоскал горло возле бочки.

– Доброе утро! – поздоровался он с Мэем.

– Добрый вечер. У нас вечер, – ответил тот буднично.

– Я из другого мира, – пожал плечами мужчина. – Там сейчас утро.

В самом конце коридора располагался, пожалуй, единственный в этом «муравейнике» проём, огороженный две-

рю.

– Ну, а здесь будет жить будущий Инкрим.

– Как же плохо, – Фреда мутило. Он дёрнул ручку, и дверь сорвалась с петель.

– Не волнуйтесь! Оно так и было. Сколько себя помню, она никогда не пребывала на петлях. Зато за ней, – Мэй отодвинул бесполезный кусок дерева и провёл гостя внутрь. – Открывается чудесный вид.

Только одна вещь не разочаровала в этих апартаментах – вид из окна. Он и вправду был сказочен. Последние лучи солнца падали на холмы, что не потеряли сочности даже в угасающем свете. Чуть ближе, в низине, под холмом, на котором стояло чудное сооружение из домов, качались кроны деревьев. Тёмное «озеро» леса.

– Мне в детстве всегда хотелось туда прыгнуть, – признался Мэй, глядя на лес. Фред заметил, что заикание у смотрящего пропало. Видимо, тот уже не волновался. – Ну, ладно. Как освоитесь, милости прошу на кухню. Вы помните, где она находится? Там вас ждёт незабываемый ужин в компании тёти Варавит и меня. Увидимся!

Нет, не ужинать хотелось Фреду, хотя живот и урчал диким зверем. Впервые за весь сегодняшний сумасшедший день ему захотелось вернуться обратно, в Мир Полярной Звезды. Безумно, неистово, захотелось курить. Наивно полагая, что больше ни одна ниточка не тянет его в прошлое, Фред забыл о своей привычке, которая стала для него болез-

нюю. После того, как вылечился от наркозависимости, что едва не стала пагубной, он выкуривал по две пачки в день. Теперь ему не хватало табака и дыма, чтобы вновь стать человеком.

Однако он всё-таки принёс своё тело на ужин. Трапеза проходила не в общей столовой, а в небольшой кухонке, в тесном кругу. Стол выдвинули на середину и принесли четыре стула. Обещанная компания, а также ещё несколько служителей Культа, суетились и переговаривались полущёпотом. На столе горели лампы, освещая глиняные тарелки и деревянные столовые приборы. Не хотелось думать ни о чём плохом. Хотелось расслабиться и радоваться мелочам – предстоящему горячему ужину, людям, незатейливой беседе.

Глядя на огоньки лампад, Фред ощутил лёгкую тревогу. Ему захотелось сохранить в сердце эти огоньки, эту кухню и, самое главное, Мэя, Варавит и других едва знакомых людей из другого мира. Он боялся, что свечи погаснут, исчезнет свет, и он – Фред – окажется на скамейке под дождём, в парке, а рядом бомж будет рыться в его чемодане. А дальше всё будет прозаично и жестоко: бродяжничество, наркотики, тюрьма.

Но здесь и сейчас было тепло. Ушли даже мысли о табаке. Тётя Варавит, на смеси английского и другого – непонятного – языка, рассказывала истории. От милых и житейских до жутких. Кое-что, обрывками, доходило до Фреда и он сме-

ялся вместе с остальными.

В углу сидел молодой парнишка, похожий на Мэя.

«Младший брат?»

Догадка Фреда подтвердилась – брата звали Теуш. Это он играл загадочный струнный перебор. Имя парня означало «зола». Парень был из молчаливых.

Теуш оборвал игру и, отложив инструмент, уставился на Фреда.

– Русе? – спросил он, прищурившись.

– Чего?

– Он спрашивает... – Варавит засмеялась. – Нет, Теуш, он не русский. Он – американец.

– Канадец! – поправил Берроу.

– Ду шприхст энгелиш, – выдал парень. – Нихт канадиш, одер?

– В смысле? Канадского языка вообще нет. Мы все по-английски говорим. Ну, как все... многие.

– А! Сэ клэр, сэ клэр, – покивал Теуш, как будто что-то понял, и продолжил играть.

– А вы где так английскому научились? – обратился Берроу к хозяйке.

– Преподаю языки, – скромно призналась Варавит. – Я знаю больше тысячи языков.

– Сколько?!

– Ой, да я не считала, не могу сказать точно, – смутилась Варавит, хотя было видно, что ей приятно. – Правда, неко-

которые мои ученики путаются, – она с доброй усмешкой покосилась на Теуша, и тот на минуту отвлёкся от своей лютни. – Правда Теуш?

В ответ, музыкант выдал некую причудливую смесь английского, немецкого и русского с французским акцентом.

– Это он так шутит. Но не думайте, что Теуш какой-нибудь слабоумный. Он очень способный ученик. Знает до сотни языков. И, конечно, иногда путается, – Варавит погасила несколько свечей и аккуратно сложила их в ящик. – Фред, вы не против?

– Так даже лучше.

Варавит о чём-то ненадолго задумалась.

– Я не верю, что вы здесь, – она ласково посмотрела на Фреда и погладила его по руке, словно чтобы убедиться, что перед ней живой человек. – Вас искали сорок лет.

– Сорок лет?!

– Искали и до этого, – поправил тётю Мэй. – Сорок лет назад поиски сузились до Мира Полярной Звезды.

– Тогда у нас работа и закипела, – сказала увлечённо Варавит. – Я поняла, что надо изучать английский. Ведь это самый популярный язык в вашем мире. Ещё я учила китайский, арабский и хинди. На случай, если вы родитесь китайцем или индусом.

– Такая вероятность была? – засмеялся Фред.

– А что, вполне! Учитывая их население. А если серьёзно, я сосредоточилась на атлантических языках, ведь нам из-

вестно, какой расы был великий вождь Инкрим.

– А кроме языков, чем вы тут занимаетесь?

Варавит и Мэй переглянулись.

– Мы поддерживаем историю города, – не без гордости ответил смотритель.

По его словам, весь Чхимтосэн держался от разорения, разрушения и забвения только силами Культа. Вот только город этого, почему-то, не ценил.

– А для чего? Зачем вам это всё? Для чего вам я?

Тётя и племянник опять переглянулись. Фреду это начало нравиться всё меньше. Варавит даже не сумела подобрать слова, и за неё это сделал Мэй.

– Вы – ж-живой символ. Наша надежда на н-новую жизнь.

Варавит погладила племянника по плечу, когда тот начал дышать глубоко и часто.

– К-как вы мо-можете такое г-г-говорить?

– Тихо, тихо, – она обняла Мэя. – Он очень долго ждал, – шёпотом объяснила Фреду Варавит. – Давайте все спать. Теуш, кончай свои переборы! Утром у нас будет много времени на то, чтобы наговориться.

Этой ночью, впервые за долгое время, Фред заснул. Так крепко и самозабвенно он не спал, наверное, с самого младенчества.

Надоевшая мелодия будильника на телефоне раздражала слух. Казалось, телефон вибрирует и гудит как пчела. Берроу откинул одеяло, сел на кровати и отключил сигнал.

«Только не это!»

Он потянулся и нащупал ногой тапок.

Мачеха Стоун как всегда готовила завтрак. Фред зашёл на кухню в трусах и майке, сел за стол, достал сигарету и закурил.

– Даже «доброе утро» не скажешь? – обратилась к нему Лиза, н оборачиваясь.

– А смысл? Оно бывает добрым?

– Мне, наверное, стоит повесить на кухне табличку «не курить», – она грубо поставила перед ним тарелку. Как обычно, омлет с беконом.

Телевизор был включен. Доносились звуки весёлого рекламного ролика. Счастливая семья завтракает «Нутеллой» и поёт, как им хорошо живётся.

– Ты опаздываешь на работу.

– Плевать, – Фред задумался. – Мне приснилось, что ты меня выгнала из дома. И выкинула мои вещи.

– Давно пора.

– Бред, – он взял нож и начал резать омлет. Почему-то, на омлете не появилось и царапины. Фред надавил сильнее.

Омлет остался невредим. Тогда он нажал с такой силой, что, при желании, смог бы расколоть тарелку пополам. Ничего.

– Доброе утро, кретин! – засмеялась Бетти и бросила в него полотенцем.

И тут Фред открыл глаза.

...

Дыхание участилось. На лбу выступил холодный пот.

Над кроватью, пропуская узкие полосы утреннего света, нависал косой деревянный потолок. Чувствовались запахи древесины, соломы и свежескошенной травы. Пропел петух. За обшарпанной дверью, что была для вида прислонена к коробке, слышались голоса, детский смех, топот ног и скрип половиц. Фред вскочил.

«Нет, это уж слишком!»

Тесная комнатка с деревянными стенами и кривым полом. Та же, что и вчера. Вчера? А разве было какое-то «вчера»? Кровать, тумбочка, круглый табурет на трёх ножках. За окном – склон холма и лес. Фред ещё подумал: «зелёное» озеро. Над холмами к тому часу выглянуло солнце, будто обнимая бесконечную зелень.

«Это какой-то бред», – он выбежал из комнаты, снеся дверь. Та с «бухом» упала на деревянный пол и, наверное, разбудила каждого в огромном доме, кто ещё не спал.

Коридор. Тот же, что и вчера.

«Если было какое-то вч... – одни и те же мысли крутились волчком у Фреда в голове. – Пойло из тыквы, лютя, лампа-

ды, башня... башня!»

Босые ноги ступили на мокрый скрипучий пол. Этот пол был так же реален, как и внутренний дворик по правую руку. Там паслись куры и гуси. Так же реален, как и ряд дверных проёмов с драными занавесками. За одной из таких занавесок играл знакомый струнный перебор.

«Теуш».

Медленно продвигаясь по коридору, Фред, или, как теперь правильно, Инкрим, вспоминал вчерашний день. Вернее, уже позавчерашний – сначала появилась Рита Сёрчер, потом Марк, Генрих, и вот он уже в другом мире.

Выбравшись на узкую площадку снаружи, ту самую, не огороженную перилами, он спрыгнул и чуть не потерял равновесие. Едва не покотившись со склона вниз, по ухабистой тропе, Фред выбежал на ровную поляну. Впереди и слева простирался лес. Позади – нелепое нагромождение домиков. Справа – город, а вдали над ним синела башня.

«Это бред, это бред, это бред!» – Фред упал на траву. Дыхания не хватало, чтобы наполнить лёгкие. Он перевернулся на спину и взглянул в океан яркого неба.

Вдох. Выдох. Постепенно, дыхание выровнялось, а мысли собрались в единый пазл.

«Я в параллельном мире. Так сказал Марк. Здесь его зовут Кайрил. А меня – Инкрим. Я – реинкарнация вождя, который вернулся домой. Я дома. Дома. До-ма».

Спина намочла от росы, а в лицо настырно светило утрен-

нее солнце.

«Всё это настоящее».

Фредди потрогал свою грудь, живот.

«Я, вроде, тоже настоящий».

Внезапно он захохотал. Громко, раскатисто. Крепко сжал кулаки, но потом расслабил руки и раскинул их в стороны.

Во внутреннем дворике был душ, если так можно было назвать ведро воды на высоте двух метров, со свисающей с него верёвочкой. Что напрягало особенно, вокруг «душа» не было предусмотрено ни стены, ни ширмы, ни банальной тряпки, а стоял он даже не с краю, а прямо посреди двора. Поставив руки в боки, Фред долго не решался раздеваться. Никто не пялился, но и не горел желанием отвернуться. Служители Культа выглядели бодрыми, румяными, и наверняка, уже сами успели помыться. Они суетились и ходили двором туда-сюда. Это жутко раздражало. Мыться с другими в общей тесной душевой не хотелось, так что у Фреда не осталось выбора.

– Эй! – обратился Фред ко всем. – Может, не будете смотреть, а?

Как об стенку горох. Тогда он поймал за локоть одного из молодых служителей.

– Парень, слушай. Вы, я так понимаю, народ без комплексов. Но...

Не дослушав, парень куда-то убежал.

«Отлично. Спасибо за помощь», – подумал Фред, раздел-

ся и встал под ведро. Мыло здесь было, на удивление, таким же, как и в Сата: так же пенилось, норовило выскользнуть из рук и даже так же пахло.

Пока он мылся, одежду кто-то успел унести. Не хотелось думать, что это воры. Возможно, просто взяли постирать. До своей комнаты Фред добрался голым. Такое бывает, когда во сне ходишь голый и это никого не смущает. Фред чувствовал лёгкую неловкость, проходя мимо одетых служителей Культа, но смущение удивительно быстро прошло.

В комнату, точнее в доску проёма, так как дверь валялась на полу, робко постучалась беременная женщина в красном чепце.

– Я слышал в Сата принят постучать в дверь.

– Спасибо. У вас хороший английский!

Женщина поклонилась и покраснела.

– Я приносить одежду для Фредберроу, – она снова поклонилась и протянула стопку каких-то серых лоскутов, сложенных ровным треугольником. Оказалось, что их надо хитроумно обматывать вокруг себя – сначала ноги, снизу вверх, затем таз, туловище, а последними – руки. Зато одежда была лёгкой и удобной, держалась прочно и не стесняла движений. Одежда липла к телу, но почти не чувствовалась и, более того, придавала свежести, что в голову Фреда никак не укладывалось. Женщина сказала, что в их мире такую носят все, а сверху надевают основную. В Культе основной одеждой считался чёрный балахон.

– Ну, уж нет! Рясу я не надену, хоть убейте, – он задумался, нахмурился. – Слушай, как тебя зовут?

– Илман.

– Илман, это не ты, случаем, забрала мою одежду? Там сигареты были?

– Ваше одежда, – покивала та и скорым шагом пошла по коридору.

– Ой, нет-нет, не бегай!

Но Илман, несмотря на положение, двигалась довольно споро. Идти пришлось недалеко, и вскоре она вернулась с ворохом вещей Фреда. Перевернув свои вещи, Фред потряс их над кроватью. Потом ещё раз, уже сильнее. Вывернув наизнанку толстовку, он начал судорожно трясти её над полом.

– Проклятье. У меня же были сигареты? Не помнишь? Ай! Кого я спрашиваю? – он бросил шмотки на кровать и хлопнул в ладоши. Если сигарет не было в карманах, значит, они остались в другом мире. Надо было отвлечься. – Ладно! Как там завтрак? Ещё не остыл?

– Без гость начинать не традиция.

По пути через коридор, настроение Фреда окончательно испортилось. Голова гудела, ладони потели, а в животе образовалась пустота. Не голодная пустота. Скорее, моральная.

За столом, где собрались Варавит, Илман, Мэй и двое детей, Фред нервно барабанил по столу деревянной ложкой. Руки у него едва заметно тряслись. Еда – некая смесь каши и салата – казалась лишённой всякого вкуса.

– Вождь, ты уже ознакомился с моей сестрой? – спросил смотритель. – Это Илман.

Фред поперхнулся.

– Ты хотел сказать «познакомился»?

– Ой, – тот усмехнулся. – Прошу прощения за мой энхелиш. Я сказался что-то пошлое?

– Скажите, зачем вам душ посреди двора? – перевёл тему Фред.

– Некоторые из наших мужчин любят мыться на свежем воздухе, – ответила Варавит так, будто душ в открытом месте – это что-то нормальное.

– То есть, он только для мужчин? Хорошо я угадал.

– Почему только для мужчин? Женщины у нас более стеснительны. Фред, – она заметила, что что-то не так. – Ты переживаешь из-за сигарет?

– Что?! Не-е-ет... Да. Как вы узнали?

– Не трудно... догадаться.

4

Жар поднимался от плит мощёных улиц. Благо, толстовку Фред оставил дома, а наряд, который Илман так удачно обвязала ему вокруг туловища, легко пропускал воздух, при этом, не спадая и не разматываясь. Джинсы он, однако, надел, но чём и пожалел через полчаса прогулки на солнцепёке.

Центральный район, с параллельными двухъярусными

улицами, отстроенный в форме шестиугольника, не был единственным. За тысячи лет, город, название которого переводилось как «шестигранник», – разросся несколькими относительно новыми районами. Они уже не были столь гармоничны – улицы шли вразнобой, дома отличались друг от друга по высоте, цвету и стилю, а мостовые были темнее и походили на лоскутное одеяло.

На юге от центра находился район бедноты с деревянными домиками и черепичными скатами. Эта часть города казалась самой серой, убогой и грязной, хотя и сохраняла архитектурную традицию параллельности и двух ярусов. Северо-запад был застроен бело-голубыми домами. Именно через этот район Фред Берроу впервые попал в город. На каждом углу здесь были высажены кусты с круглыми шероховатыми листьями. На юго-востоке расположился район с красными и чёрными крышами, железными оградами и широкими многолюдными улицами.

Самая богатая и престижная часть города располагалась на западе – в противоположном конце от квартала Культа. Западный район красовался множеством фонтанов и садов. Высокие здания были расписаны узорами, что, благодаря игре света, проявлялись не сразу, медленно, словно магические письмена. Люди здесь отличались от жителей центра и бедноты разительно: поведением, одеждой, походкой. Одевались они, в основном, в красное, хотя часто попадались и лиловый, и болотно-зелёный, и пафосный золотой,

и пурпурный. Мужчины носили либо туники, гармонично сочетая их со штанами, либо нечто среднее между кимоно и френчем, а некоторые – рубахи, покрытые металлической чешуёй. Дамы предпочитали наряды, которые в Сата называли бы восточными. Большинство женщин носили хайратники, прикрывающие уши, а мужчины – козырьки от солнца. Лица некоторых людей были раскрашены цветными узорами.

– Акé чантар бар, – произнёс Мэй на незнакомом языке, но тут же поправился. – Это район богачей и ф-фактических управленцев города. Здесь проживает страта чантаров.

– Извини? – Фред засмотрелся на фонтан. – Что за страта?

– Чантары. Это с-слово неизвестно в Сата. Чантары – люди, которые владеют искусством иллюзий. С ними надо быть осторожнее. Они не очень любят Культ, – смотритель опасно оглядел улицу, хотя, по виду мирно гуляющих богачей нельзя было сказать, что они настроены враждебно. Скорее, им было всё равно. Тем не менее, смотритель башни заикался. Фред постарался не обращать внимания на этот дефект. Постепенно, у него получалось – заикание Мэя стало почти незаметным. – У нас с ними давняя вражда. Сейчас Культ переживает несладкие времена. Чантары оттеснили нас на восток. Но, знаете, вождь, я люблю здесь бывать! Приятно видеть, как район отстроили после разрухи. Да, тут была разруха когда-то. Мы, детьми, очень любили гулять по развалинам. Приносили хлеб местным детишкам. А теперь детишки

выросли и проклинаят Культ. И пишут на стенах «Не дадим злу вернуться».

– Зло – это, видимо, я? – хмуро спросил кандидат.

– Они верят версии Миенхота – лжеца и предателя! Но мы с вами докажем, что они не правы!

Ближе к центру, на улицах попадалось меньше роскошных нарядов. Зато бедняцкие лохмотья мелькали всё чаще. На базаре их была тьма. Одинокая башня глядела на всё это сверху вниз. С её приближением, Инкрим чувствовал себя легче, когда открылась центральная круглая площадь. Пробившись на неё, Фред уже привычно и смело ступил на побитую временем и дождями плитку. Он выдохнул и приложил три пальца к камню стены. Ничего не произошло.

– Вход находится не здесь, – пояснил смотритель. – Он с другой стороны, на северо-западе. Это символично. Башня, как бы, смотрит на столицу.

Во второй раз проходить сквозь стену оказалось легче – податливая, она стала вязкой, а затем жидкой. Войти теперь можно было без ощутимого сопротивления. Внутри Мэй зажгёт факел, осветив узкий коридор.

– *За мной, возждь. Мы приготовили для вас сюрприз.*

Коридор привёл Фреда в просторный зал. В первое мгновение он подумал, что это просто комната, потому что свет факела терялся в окружающей черноте. Но в этот момент где-то высоко над головой вспыхнуло множество голубых огоньков. Они заискрились ярче, пожелтели, побелели, раз-

множились и в следующий миг наполнили светом огромное здание. Сопровождалось это симфонией звуков, похожих на трение швабры об пол.

Оказалось, что это не просто зал. Появилось множество ярусов, винтовая лестница, ведущая на необозримую высоту, нетронутые вспышками проёмы, уводящие вглубь лабиринтов коридоров. А на самом верху, постепенно, на своде проявился символ, тот самый, что украшал центральный пик. Это был символ, напоминающий букву «Y», только галочка отделялась небольшим зазором.

Башня ожила, наполнилась и будто бы создалась из ничего. Сполохи сияли часто, как вспышки фотокамер, и в какую-то секунду слились в единый сплошной свет. Это длилось недолго, и вспышки начали медленно угасать. Ассоциация со швабрами была верной: несколько десятков служителей на каждом ярусе тёрли стены, создавая статическое электричество, и делали это именно швабрами.

Через минуту, сияние угасло совсем, оставив перед глазами стойкий отпечаток. Однако после, через каждые два десятка ступеней винтовой лестницы, один за другим зажглись факелы. Конечно, новый свет, тусклый и жёлтый, не заменил бы того равномерного белого, но и этого хватало, чтобы разглядеть лица служителей.

– Что это было?

– Наш небольшой подарок вам, вождь, – Мэй дал знак остальным, что можно спускаться.

– Это... это... – Фред обнял зрителя, но тот вырвался из объятий. – Спасибо. Это лучшее, что произошло со мной сегодня.

Служители собрались на нижнем ярусе.

– Вождь, должен сказать, – подошёл один из них, лысый и полноватый. – Башня ещё не готова. На втором этаже завелись летучие мыши, а на обзорной площадке – дождевая вода.

– И ещё, – вставил слово другой, коренастый. – Я видел мышей, а братья говорят, тут водятся змеи.

Улыбка непроизвольно растянулась на лице Фреда.

– Идеально.

5

Древние чёрные стены. Строгие как дедовские портреты. Не ты смотришь на них – они на тебя. Инкрим проводил по ним рукой, едва касаясь, будто гладил по щеке возлюбленную, боясь её разбудить. Стены, что покоились тысячи лет. Они рассказывали истории, заключённые в таинственные письмена. Непонятные закорючки, рисунки и знаки, в которых чувствовалась мощь, великая память. Символы и образы вещали о былых потерянных временах.

В одиночестве гуляя с факелом по коридорам шестигранной башни, Фред пытался читать письмена, однако не понимал ни буквы. Он вернулся на лестницу и снова с упое-

нием от головокружения посмотрел наверх, туда, где в темноте, недостижимой для факела, покоился символ, похожий на букву «Y».

Воспитательница детского сада убеждала маленького Фредди, что это буква латинского алфавита, и читается она по-английски как «уай». Нередко возникали комичные сцены: маленький Фредди спрашивает, почему, а воспитательница упорно кивает и повторяет: «уай», ведь на английском слово «почему» звучит аналогично. Но маленький Фредди спорил. Он упорно доказывал, что это цифра три. Вот только он до сих пор не представлял себе, почему цифра три изображена на флаге.

Фред вернулся в коридоры лабиринта. Здесь он чувствовал дрожь и холодное покалывание в груди – не физическое, скорее, от волнения, пробуждённого прикосновением к истории. Через какое-то время он перестал бояться, и вплотную касался стен, смело проводил по ним руками. Мрачные стены отвечали эхом на его шаги. От этого становилось жутко. Но темнота закончилась, и вдалеке, в конце коридора, показалась вертикальная полоска белого света. Чем ближе подходил к свету Фред, тем отчётливее слышал то, во что в этих мёртвых коридорах было труднее всего поверить. Пение птиц. Пение стало громче, когда Фред различил в полоске света узкое окно. Оно выходило на площадь. К щебетанию добавились голоса горожан, гуляющих по улицам Чхимтосэна. Какофония голосов. Городская суета. Вдруг –

дождь. Лёгкий, недолгий, лишь прибивший пыль и немного ожививший город.

Оказалось, что птицы выдолбили в стенах норы. Фред засмеялся, прижался спиной к стене и сел у окна. Он был счастлив как ребёнок, непонятно от чего. «Мыши – внутри, птицы – снаружи». Он провёл рукой по лицу, несмотря на то, что руки почернели, и вымазал лицо чёрной пылью.

Из темноты коридора появился Мэй. Как всегда, он заикался от волнения.

– Вождь! Мы вас ищем. Куда вы пропали? Кто же так делает?

– Мэ-э-эй! – протянул Фред и распростёр руки. – Мыши внутри, птицы снаружи, – он нарочно испачкал свой нос, проведя по нему чёрной ладонью. – Кругом жизнь!

Наружу выходить не хотелось – холод, мрачное одиночество и таинственное величие башни тянули назад и едва ли не буквально пьянили. Но выйти всё же пришлось, иначе кандидат рисковал подхватить воспаление лёгких.

В сопровождении Мэя и полноватого служителя, имя которого Фред не успел запомнить, кандидат направился на базар. Это было ещё одно место, которые должно было пробудить воспоминания из прошлой жизни. Чего только здесь не продавали: пряности, сладости и сочные фрукты, рыбу, хлеб странной кольцевидной формы, огурцы, вишню, пироги и многое другое. Удивляло даже не изобилие вкусов, а наличие знакомых с детства пирогов или вафель в тру-

бочку. На вид, здесь царило разнообразие, да и на слух тоже – бесчисленное множество разноязыких голосов: женских, мужских и детских. Но вот о запахе сказать такого было нельзя. Запах в той части базара, куда явились кандидат и двое служителей, доминировал только один. Ненавистный Фреду с детства, он будто преследовал его всю жизнь. Дары моря! Осьминоги, кальмары, лобстеры, креветки, раки, крабы и невообразимое число сортов рыбы – вся эта гадкая масса, что ещё недавно плавала в море, теперь источала общий зловонный дух.

– Пошли отсюда! – не вытерпел Фред, зажал нос рукой и развернулся.

– Но вождь, – обратился полноватый, – мы специально сюда пришли. Будучи Инкримом вы так же не любили запах рыбы.

– Никто не любит запах рыбы.

– Но у вас он должен связываться с воспоминаниями из прошлой жизни.

– Что значит «связываться»? Я вообще иногда не понимаю, что ты говоришь. Кстати, как тебя зовут?

– Я уже два раза вам представился, – полноватый надул щёки и сложил руки на груди. – Вот нарочно не скажу. Вспоминайте.

Над головами на большой скорости пронеслась птица, не машущая крыльями. Нет, это не походило на самолёт. Именно на птицу, не машущую крыльями. По крайней мере,

выглядело это чудо именно так.

– Это птица? Это самолёт? Это Супермен! – пошутил Фред, запрокинув голову. Служители обменялись фразами: видимо, Мэй пояснил другу, кто такой Супермен.

Только вблизи, когда летательный объект пошёл на посадку, стало видно, что это всё же самолёт, сделанный в форме чайки. Сильнее всего сбивало с толку то, что самолёт был абсолютно бесшумен и летел, казалось, против всяких законов аэродинамики. Дети радостно приветствовали его и бежали следом, махая руками. Будто в ответ, самолёт сделал «бочку», а затем мёртвую петлю. После, «чайка» вновь набрала высоту, покружила над городом и начала спускаться за городскую черту.

6

Служители с кандидатом вернулись домой ни с чем. Когда Фред вошёл в свою комнату, чтобы переодеться, Илман преподнесла ему чашу в которой курились какие-то чёрные травы.

– Вы сегодня утро просить дым. Вот вам дым, – сказала она, радостно кивая на чашу.

– Что это?

– Ароматический трава. Раз уж вы без ней не можете.

За обедом собралась та же компания, что и вчера, плюс Кордой и девочка лет десяти, с лицом, разрисованным сини-

ми узорами. У девочки было странное имя. Фреду пришлось переспросить, дабы убедиться, что он не ослышался. Лазер.

– В свой десять год она уже имеет выбрать себе имя, – гордо сообщила Илман.

– Дорогая, – сказала Варавит. – Фред Берроу только недавно в Эттоме, и наверняка не знает многих наших обычаев и особенностей. Насколько я слышала, в Сата за тебя имя выбирают родители.

– Эм... да.

– Как это жестоко! – возмутилась Илман. – Лишать детей выбор.

– Это только у нас имя имеет значение в судьбе, – пояснила настоятельница Культа. – В Сата к этому относятся проще. Фред, расскажи нам чуть больше про Сата.

– О, это превосходный мир! – чуть не подпрыгнула на стуле Лазер, будто обратились к ней. – Там очень много удивительных цивилизаций и технологий. Есть трубы, долетающие до небес, и даже до Луны! А ещё есть ящики, которые показывают то, что находится на другой стороне планеты. А ещё есть...

– Потоки света, режущие металл, – улыбнулась Варавит, зная, к чему девочка обязательно сведёт разговор.

– Да! – оглушительно пискнула она. – Я очень хочу там побывать.

– Лазер интересуется технологиями Сата.

– Это я уже понял.

– Вождь, а что вы знаете о 3-запретной истории Сата? Кайрил что-нибудь рассказал вам?

– А правда, что Сата весь завалить мусор? – поинтересовалась Илман. – И что там люди поедать друг друга?

Фред прожевал крупный кусок кабачка, прежде чем ответить.

– Насчёт мусора – правда. Что до остального – я мало что понял. Только то, что миром правят ублюдки. Но об этом я знал и до Марка. Ещё он сказал, вы владеете магией. Это так?

– Не совсем, – покачала головой Варавит. – Либо вы не так поняли Кайрила. Мы не называем тонкие техники магией. Это варварское слово.

– Но вы умеете читать мысли. Это правда?

– Умеем, – кивнула Варавит.

Фред едва не подавился.

– Серьёзно? Так он не пошутил? Какое число от одного до ста я загадал?

– Ну, допустим, тридцать девять, но...

Тяжело дыша, Фред отодвинулся от стола и оглядел собравшихся, будто видел их в первый раз. Только теперь он почувствовал себя голым перед публикой, несмотря на то, что был одет. Этого чувства не было даже когда он шёл по коридору после душа. Стало невыносимо стыдно за пошлые фантазии с участием Илман, а то, что эти фантазии вернулись теперь, когда их не звали, подлило масла в огонь.

– Извините, я должен уйти. Немедленно.

– Вам нечего бояться, – остановила его хозяйка, когда Фред уже поднялся из-за стола. – Это работает не так, как вы предполагаете. Читать мысли непросто, тем более, когда вы мыслите быстрым потоком. К тому же, вторгаться в чужую голову без крайней нужды у нас не принято.

– Допустим, я поверю, – он осторожно сел. – Хотя, какое к дьяволу «допустим»? Почему я должен вам верить?

– Вы научитесь так же.

Глава 4. Аммерт

1

Вечерний город красовался множеством огоньков, которые местные зажигали в честь предстоящего праздника. И всё же главным светилом этого вечера оставалась прибывающая луна. В небе, вокруг неё, почти не было других светил – несколько туч укрыли собой звёзды, словно одеялом. Тучи пригнал северный ветер, слегка разбавивший зной. Когда на улицах стало прохладнее, с неба посыпались редкие снежинки, на радость детям. Правда, чудо природы продлилось недолго: немного покружив, все они растаяли, не успев коснуться мостовой.

Ещё днём центр города казался грязным и убогим. Теперь, когда народ зажигал ароматические свечи в каждом доме, выставлял на окна лампы и выходил на улицы в нарядных туниках, район преобразился, наполнился красками, оттенками и звуками.

В небе, один за другим, пронеслось несколько самолётов-птиц, и никогда не устающие дети, с криками «Иммёрти, иммерти!», погнались за ними.

Один ребёнок подпрыгнул и на секунду завис над крыльцом. Мама тут же ловко поймала его за руку, спустила

на землю и отругала. Фред подумал, что спит, или что его обманывает зрение, но через минуту девочка лет четырнадцати покружилась вокруг своей оси и, к изумлению Фреда, плавно, как невесомая, взлетела на высоту человеческого роста. Она была чем-то похожа того на мальчика, что завис над крыльцом. Наверное, старшая сестра. Своим прыжком она, как бы, дразнила младшего брата, ведь ему не позволяли делать то, что она уже могла. Девочка приземлилась на носочки, и развела руки. Мать подбежала к ней и заботливо потрогала её за щёки.

В воздухе появился светящийся огонёк, похожий на негаснущий сполох от костра. Он завис на высоте пары метров над мостовой и медленно поплыл, наполняя улицы золотистым светом. За ним вспыхнул и пустился в плавание другой. Молодая пара запускала огоньки из полосатой трубки, напоминавшей хлопушку. Не только пара занималась подобным — множество людей выстреливали из трубочек летающие огоньки, и те зависали в воздухе, взлетая высоко над крышами или оседая у самой земли. Каждый получался своего цвета, веса и яркости, и вот уже вся улица была усыпана блеском маленьких звёздочек. Особенно они нравились детям, и те смело брали их в руки, не обжигаясь. Правда, огоньки тут же гасли, превращаясь в маленькие угольки, пачкающие пальцы.

Когда Фред, как всегда, сопровождаемый служителями, проходил по улицам, толпа расступалась, то ли от страха,

то ли из почтения. Вскоре, Фред немного привык и, подобно служителям, перестал обращать внимание на толпу, просто радуясь празднику.

– Напоминает Рождество, – заметил Фред, оглядывая цветные огоньки.

– Что, простите?

– Рождество. В том мире у меня было не так уж много счастливых дней. Только один день в году я радовался по-настоящему. Двадцать пятого декабря. Мачеха Стоун тогда становилась доброй и мы даже не ссорились. Она красиво одевалась, была такой ласковой, милой. Она угощала меня конфетами. Особенно я любил такие леденцы, в виде трости. Знаешь? Ну, ты, наверное, их не видел никогда. Люблю Рождество! Ненавижу свой день рождения, и все остальные праздники, но вот его... да.

Однако Фред ещё больше загрустил при воспоминаниях о Рождестве. Ему казалось нелепым, неправильным и абсурдным отмечать этот праздник с мачехой Стоун, когда все остальные дети проводили вечера со своими родителями. Он не хотел признаваться, но именно Рождество было для него самым грустным, самым тяжёлым из всех праздников.

Пальцы Фреда замёрзли, несмотря на то, что вечер был тёплым. Прохлада северного ветра прошла, и последняя снежинка растаяла в небе. Снова напомнил о себе субтропический климат.

– А что это за праздник?

– День окончания Великой Межмировой войны, – пояснил Мэй. – Самой страшной в истории человечества. Она длилась двадцать пять лет и погубила больше миллиарда жизней.

В груди у Фреда похолодело.

– Миллиарда?!

Совсем по-другому воспринимались теперь случайные прохожие, что останавливались посреди улицы, чтобы обняться. Даже захотелось прижать кого-нибудь к своей груди, пожелать счастья и мира. Но, несмотря на праздник, люди сторонились Фреда: слухи, что этот иномирец – кандидат на признание реинкарнацией Инкрима – не обошли ни одного жителя.

– Расскажи мне об этой войне.

– Я вам не расскажу. Я вам покажу!

На площади в западном районе это время вот-вот должна была начаться пантомима. Фред и Мэй поспешили, чтобы успеть к началу. Как объяснил по дороге Мэй, действие пантомимы разворачивалось во Вторую Эпоху Эйров, три тысячи лет назад.

– А мы живём в какую эпоху?

– Третья Эпоха Эйров, пятьсот двадцать шестой год.

Добрались до площади. К этому времени как раз показывали смерть царя Вепря, которая многими считалась отправной точкой на пути к Межмировой войне. Актёры, облачённые в наряды, напоминающие античные, скорбели над мёрт-

вым телом, накрытым голубым саваном.

– Голубой у нас считается траурным цветом, – дал комментарий Мэй.

Тело царя плавно опустили под сцену. После этого свет на сцене погас на несколько секунд, а затем начался новый акт. Всё окрасилось алым, появились восемь мужчин в масках животных, облачённые в панцири и вооружённые короткими мечами. Среди масок Фред тут же распознал ежа и зайца, потом ворона по длинному клюву, напоминающему маску чумного доктора, а после – медведя, лиса и орла. Ещё один зверь остался загадкой. Также была одна птица с коротким клювом, но поскольку в птицах Фред разбирался слабо, пришлось обратиться к ходячему либретто.

– Мэй? Кто это?

– Наследник престола – Соловей. Он взошёл на царство после смерти отца – Вепря, но семеро удельных князей остались недовольны. Они объявили войну Соловью, и началась легендарная осада Симмаратана.

Фред не особо внимательно следил за зрелищем – его куда больше интересовало, какого зверя изображал седьмой из удельных князей.

«Броненосец? Панголин? Росомаха? Чёрт его поймёт».

Пантомима затянулась, и Фред начал осматриваться в поисках красивых девушек. Таких оказалось на удивление много – едва не каждая третья. Единственной трудностью было то, что Фред не знал языка.

– Мэй! – перекричал он музыку и толпу. – Как сказать «привет» на вашем языке?

– Что? – поглощённый действием пантомимы, служитель Культа отвлёкся неохотно. Берроу повторил вопрос.

– Зачем тебе сейчас?!

И толпа, и сцена, в этот миг осветились ярким голубым. Пантомима подошла к ещё одному трагичному моменту, причём куда более тяжёлому – казни Соловья. С девушками во время этого эпизода говорить было бесполезно – их взгляды были направлены только на сцену. Многие из них плакали.

С актёра сняли птичью маску, обнажив прекрасное лицо юноши, в голубых глазах которого застыла бесконечная скорбь. На мгновение холодок пробежал по спине Берроу. Актёр был непозволительно хорош в этой роли. Десятки девушек протянули вперёд руки с платочками, будто преподнося актёру подарок, и этот жест был понятен без пояснений. Многие отвернулись, когда Соловья начали пронзать копьями. Одно за другим, в его бледное тело вошло четырнадцать копей. Когда семеро палачей разошлись, Соловей упал на колени и окинул зрителей прощальным взглядом. Душа покинула его, оставив пустую оболочку, и безжизненное тело рухнуло набок. В это невозможно было не поверить – актёр, казалось, умирал тысячи раз и, будто в первый и последний раз, умер на сцене.

Дальше семеро в масках животных бились между собой:

то трое против четверых, то внезапно двое на двое, то пятеро против двоих. Так и не решив, кто из них сильнее, они разошлись, и сцена окрасилась в разные цвета. Пока это происходило, Фреда не покидало чувство утраты – настолько врезался образ.

– Дальше – восстание тархамэлитов, – шепнул Мэй.

Самая горькая часть пантомимы прошла, и толпа заметно расшевелилась.

До появления Инкрима Фред не дотерпел – он был измотан за полный впечатлений день, и решил уйти домой спать пораньше.

«Домой, – поймал он себя на мысли. – Я уже называю это место домом».

2

На следующее утро, встав ещё до рассвета, Фред в очередной раз прогуливался по коридорам своего древнего жилища. Ему нравился сырой пещерный запах, нравилась тусклая полутьма, по-своему инфернальная в свете факела, но, в то же время, величественно-спокойная. Он задрал голову, пытаясь увидеть символ на потолке. Ничего не было видно, однако символ чувствовался. Он был там, не одно тысячелетие, и словно взирал сверху вниз, заставляя задуматься о высоком и вечном.

Варавит как-то посоветовала заглянуть в подвал.

«Интересно, что там? И как туда попасть?»

Фред интуитивно догадался попробовать спуститься на нижний этаж и прикоснуться к полу тремя пальцами. Никакой реакции пол не выдал. Тут Фред заметил небольшое углубление в стене, ближе к полу, со скруглёнными краями и высотой не больше метра. Он прикоснулся к углублению, и тут же провалился вперёд, упал в какую-то тёмную шахту, как Санта Клаус в дымоход, и оказался лежащим на полу в круглой светлой комнате. Рёбра гудели от удара. Но Фред нашёл в себе силы оторваться от пола.

В комнате было пусто и настолько светло, что слезились глаза, но к свету они привыкли довольно быстро. Свет равномерно исходил от стен, или, точнее сказать, от одной сплошной замкнутой стены. Фред заметил дверной проём и прошёл туда.

Как только он переступил порог соседней комнаты, та осветилась таким же равномерным, но более мягким светом. На этот раз, помещение оказалось квадратным, и было заставлено рядами полок. То, что лежало на полках, заставило сердце Фреда биться сильнее. Нормального человека оно могло ужаснуть, но для Берроу зайти сюда было всё равно что ребёнку оказаться в магазине со сладостями.

Оружие! Много различных видов холодного и огнестрельного оружия разных эпох. И даже такого, какое Фред никогда в жизни не видел. Примерно каждый пятый предмет он узнавал. Остальное, видимо, было оружием этого ми-

ра. Длинные непонятные трубки разных форм и размеров. Здесь было множество мечей и клинков. Попадались луки, арбалеты, мушкеты, ружья, а некоторые предметы напоминали привычные пистолеты и автоматы. Лучшего нельзя было предугадать. Взяв скромный короткий клинок, Фред вернулся в круглую яркую комнату.

Стены, пол и потолок ожили, в один момент погрузившись в полумрак, а затем озарились тоскливо-серым пламенем. Проступили очертания покрытой пеплом равнины. Над головой, будто унылое лицо, глядела на землю тусклая полная луна, окружённая обрывками чёрных туч. Казалось, пол под ногами задвигался. Фред невольно уронил взгляд, и обнаружил, что стоит на обожжённой траве. Кругом торчали из земли деревянные балки. Огонь, вспыхивая от ветра, жадно поедая их остатки. Это было поле брани.

Солдаты в отливающей красным чешуе отчаянно сражались против вражеской армии – солдат в чёрных панцирях. Панцири постепенно одолевали красных, но тут из-под земли показались странные существа. Похожие на людей, они воспринимались скорее как мёртвые, но ведомые потусторонней силой животные, с тонкими длинными зубами, торчащими во все стороны клочьями волос, чёрной, как сажа, сморщенной кожей и пустыми белками глаз. У них не было носов – вместо них, две дырки над пастью. У некоторых из груди торчали кости, а у иных были культы вместо рук. Пальцы были покрыты несколькими слоям когтей. Существа

очень быстро бегали и постоянно истошно кричали что-то вроде «хш-ша-а-а!» переходящего в визг. В каком бы месте ни просвистел этот безудержный адский визг, в то же мгновение падал за смертью солдат, с прогрызенной до костей шеи. Не важно, какого лагеря. Ужас застыл на бледных лицах мужчин. Мечами, топорами и молотами чешуи и панцири отчаянно отбивались, но чёрных тварей становилось только больше, как если бы из каждого разрубленного пополам вырастало двое новых, ещё более агрессивных. Одна из тварей напала на Фреда со спины и больно укусила за шею. Тут всё исчезло, и Фред обнаружил себя в пустой белой комнате. Он потрогал шею. Никаких следов укуса. Значит, всё это было иллюзией? Очень «живой» иллюзией.

Фред посмотрел на клинок в своей руке. Не сразу до него дошло – комната, в которой он стоял – тренировочная. И он проиграл. Руки у Фреда тряслись. Он вернулся в оружейную и положил клинок на место. Круглая комната теперь вызывала страх, но, в то же время, и таинственное притяжение. Чем страшнее, тем интереснее.

«Наверное, это мой рай».

Фред заметил Мэя, протиравшего пыль в углу.

– Вождь! – испугался тот.

– Не знал, что ты здесь. Тебе тут нравится?

– Тренировочная и оружейная – сердце башни, – любовно осмотрел помещение Мэй. – Мы установили здесь генератор, который создаёт энергопоток и поддерживает свет,

когда в помещении кто-то находится, — он приложил руку к шероховатой стене, излучающей мягкий холодный свет. — Оружие необходимо постоянно протирать, смазывать маслом, иначе оно заржавеет. Поэтому генератор очень важен.

— Я хочу знать всё. Каждый предмет, каждый ножик, — взяв одну из трубок, он взвесил её в руке. На ощупь блестящие палки напоминали не то металл, не то камень, а у большей части из них концы были заострены. Создавалось впечатление, что этими штуками можно только колоть, однако интуиция подсказывала Фреду, что они гораздо мощнее, чем автоматы, гранаты и пулемёты.

Подойдя к одной из полок, Мэй провёл рукой по рукояткам мечей и сабель. Все они, начищенные до блеска, лежали строго параллельно друг другу.

— Всех предметов не изучишь за день.

— И всё это хранилось тысячи лет?

— К сожалению, нет. Коллекция не сохранилась. Её изъяли ещё когда осудили Инкрима. Затем предметы были разграблены и распроданы поштучно.

— Какое свинство.

— Да. Это всё муляжи. Вы же не думаете, что кто-то позволит нам держать в подвале башни настоящее оружие? Тем более, оно стоит целое состояние. Мы только недавно восстановили полную коллекцию. Все эти предметы действуют иллюзорно, да и то лишь в пределах тренировочной комнаты. Снаружи это просто куски металла.

– Замолчи, – Фред заметил саблю с волнообразными краями и осторожно погладил её по лезвию. – Хочешь сказать, и эта сабля – фальшивка?

– Холодное оружие настоящее. Лезвия затуплены, но если их наточить, – Мэй не договорил, и вместо этого, взял небольшой нож, ловко покрутил его одной рукой, пару раз перебросил из одной руки в другую, подхватил и поймал двумя пальцами за лезвие, не глядя. Напоследок он подбросил нож почти до самого потолка и поймал из-за спины, даже не поведя бровью.

– Как?! Как ты...

– Я прихожу сюда каждый день, чтобы тренироваться. Только не говорите другим зрителям – это мой секрет.

Внимание Фреда привлёк самый длинный из предметов – светло-голубая заострённая палка, покрытая гравировкой, напоминающей морозный узор. Он аккуратно взял эту вещь за коричневую деревянную рукоять и посмотрел поближе. Длинной этот предмет был чуть больше полуметра, а весил как чугунный.

– То, что вы держите в руках – Ледяной Бык. Его оригинал был утерян сразу же после того, как Инкрима казнили. Об этом оружии ходят легенды. Бык замораживает. Всего одна секунда, и кровь стынет. Мгновенно! И во всём организме сразу. Орудовать им нужно очень осторожно – одно прикосновение, и он сработает.

Фред поднёс палец к оружию, но отдернул, как от утюга.

На какое-то время он забыл, что перед ним – обыкновенный муляж.

– Это – Красная Кобра, – Мэй взял серую палку в виде зигзага, расписанную под змеиную чешую. Коброй вещь называли, видимо, потому, что её рукоять напоминала «капюшон» этой змеи. – Когда она активна, она разгорается до красноты и ярко светится. Суть её действия прямо противоположна Ледяному Быку – она сжигает. Пользы в бою от неё немного – желателен контакт с голой кожей или тканью, а прожигать броню она не в состоянии. Но зато выглядит очень эффектно, – он положил Кобру на место. – Но что не сравнится по эффективности – так это Белая Орлица. Жемчужина коллекции, – он взял прямую серебристую палку с крестовиной в виде крыльев, расписанную гравировкой в виде орлиных перьев. – При взмахе она образует светящуюся дугу, расходящуюся в разные стороны от наконечника. Если надавить, дуга летит вперёд со сверхзвуковой скоростью, рассекая дерево, металл, камень и головы врагов. Дуга выглядит очень красиво, и напоминает крылья птицы. Она зачаровывает даже противников, и те не успевают опомниться, как уже мертвы, – Лилмэй с трепетом положил Орлицу на её полку в центре стенда. – У неё есть только один недостаток – она стреляет раз в несколько минут.

В дальнем углу Фред заметил короткий и отличающийся от других по форме предмет. На конце у него была шишка, шириной с ладонь, а сверху короной торчал пучок из игл.

– О! Это Злой Шиповник. Очень жестокое оружие. При контакте он выпускает отделяемые лезвия с волнистой поверхностью, которые проникают под кожу и начинают расползаться под ней, рассекая мышцы изнутри. Лезвия разделяются на ещё более мелкие, а извлечь их невозможно, так как двигаются они очень быстро и всегда устремляются вглубь. Инкрим почти не использовал это оружие. Но легенда гласит, что однажды он казнил им маньяка, что изнасиловал трёх своих дочерей.

– Боже! Какой ужас... Мне он нравится! – он взял с полки Шиповник и подкинул.

– Осторожно, ради Демиурга! – Мэй отнял у Фреда предмет. – Это вам что, игрушки?!

– Ты же сказал, это муляжи.

– Так и есть, но, – зритель аккуратно вернул Шиповник на место. – Поймите, вождь, уважение превыше всего. Да и вообще! – вспыхнул он. – Кто ты такой, чтобы... Чтобы... Простите, – Мэй покраснел.

– Нет, нет, что ты? Выскажись.

– Как? Как это?

– Ну, – Фред развёл руками. – Как тебе объяснить? Выплесни эмоции. Валяй, я всё стерплю! Серьёзно, парень.

– Что значит «выплесни»? Простите, вождь, но эмоции – не грязная вода, чтобы её выплеснуть.

– Друг, – Фред приобнял зрителя, отчего тот поморщился. – Если тебе что-то не нравится, не надо держать в се-

бе. Знаешь, — он отошёл к стене и сел на корточки, прислонившись спиной. — Я с детства был злым и ненавидел окружающих. Если мне что-то не нравилось в людях, я говорил им... слушай, я так не могу, сядь рядом со мной.

— Рядом? Зачем?

— Сядь!

— Ладно, — служитель Культа повиновался.

— Когда-то я тоже ненавидел весь мир. Но когда я оказался здесь, в этом городе... как он? Чимстон?

— Чхимтосэн.

— Да, верно. Я... словно родился заново. Я был мёртв, а теперь я жив, понимаешь? И всё это благодаря Марку.

3

При выходе из башни, Фред заметил девочку. Маленькую, лет трёх, в красном платье. Что в ней было удивительного? Он не сразу обратил внимание. Лишь когда опустил глаза на её красные туфельки. Дело было даже в туфлях, а в том, чего они касались. Девочка смело стояла на круглой площади, хотя остальные жители поколениями боялись на неё ступить. Фред не отрываясь глядел на девочку не меньше минуты, в её чистые детские глаза, похожие на драгоценные камни, окутанные тонкой оболочкой росы, и долго пытался понять, что же он видит в них? Страх? Любопытство? Наверное, любопытство, которое возникает всегда, когда страх по-

беждён. Оно было живое, настоящее. И в этот момент Фред испытал неизвестно откуда взявшееся чувство вины перед детьми. Перед всеми детьми Человечества. В подсознании возникла горячая скручивающая рассудок боль. Когда девочка убежала, Фред Берроу остался глядеть ей вслед.

Он вернулся домой ближе к сумеркам и застал «муравейник» за своими обычными неспешными делами. Кордой спал в своей комнате на третьем ярусе, Илман развешивала бельё во дворе, пока там кто-то мылся, совершенно при этом не смущаясь. Теуш перебирал струны.

– Нихао! – поздоровался он, когда Фред проходил мимо.

Лазер, в большой комнате на втором ярусе, на полу, покрытом циновкой, старательно пыталась научить шестилетнего мальчишку говорить по-английски.

Фред прошёл дальше, в комнату, где обычно собирались старики. Там были Хмурый и тётя Варавит. Хмурый старательно пересчитывал монетки, а тётя, в очках на верёвочках, штопала балахон.

– Ты был в подвале? – спросила она, сняв очки.

– Был, – кивнул он и сел в плетёное кресло напротив.

– Хочешь, я расскажу тебе историю, связанную с этой башней?

– С удовольствием послушаю, – он сел поудобнее.

– Ты, наверняка, знаешь, кто такой Инкрим. Если нет, я тебе расскажу. Более трёх тысяч лет назад в одной деревне родился ребёнок. История не сохранила ни его детского

имени, ни сведений о его родителях. Три года спустя, жестокая междоусобица разрушила его деревню и сожгла её дотла. Мальчика подобрали и усыновили двое странников, которые бродили от одной сожжённой деревне к другой и помогали людям. Их звали Тангер и Ариста. У обоих была тяжёлая судьба. Тангер родился в южной земле и был невольником. Он участвовал в царских развлечениях на арене. Мать была племянницей знатного протектора. Но война изменила их судьбы. Тангер и Ариста встретились в нелёгкое время и отправились в долгое путешествие.

– Постой-постой, – Фреду стало не по себе. Ему расхотелось слушать. Будто каменный груз повис у него в груди. – Я был приёмным? Вернее, он был приёмным? Инкрим.

– В Эттоме нет жёсткой грани между приёмными и родными. Для нас важнее тот, кто воспитал ребёнка, нежели тот, кто родил. И для Инкрима этими людьми были Тангер и Ариста. Самыми важными людьми в его жизни. Маленький мальчик трёх лет, увидев Тангера и Аристу, побежал за их повозкой. Сердце Аристы растаяло, и она подобрала ребёнка. Именно этому мальчику было суждено трижды захватить Симмаратан.

– Симмаратан, – Инкрим задумчиво повертел это слово на языке. – Где-то я это слышал.

– Это столица древнего царства, в котором родился, а потом и правил, Инкрим. За две тысячи триста лет до Инкрима этот город основал вождь Медвежья Шкура. Из далёких

северных земель он привёл свой народ на юг, до западного мыса полуострова. Там он увидел знак: луч солнца, пробиваясь сквозь облака, падал на прекрасную зелёную долину. И тогда вождь Медвежья Шкура решил назвать свой город Золотой Луч, или Тархамэль, в память о великом знамении. Свой город он передал во владение сыну – Соловьёйной Трели. От Соловьёйной Трели пошёл род, расширивший пределы царства Золотого Луча до масштабов всего полуострова, вплоть до гор, на севере, а затем и на юг, за узкий перешеек, называемый Горлом. Позже город завоевали ирайяры, запретили местный язык, а город обрёл новое имя – Симмаратан. Но это отдельная история. Однажды царство распалось. У Вепря – предпоследнего царя – было семь дочерей и только один сын, причём только он один был рождён от жены. Дочери – от наложниц. Сын избрал себе имя Соловей, отдавая дань уважения основателю династии – Соловьёйной Трели. Дочерей Вепря отдали замуж за удельных князей. Конечно же, князья не хотели довольствоваться своим положением и, сговорившись, напали на Соловья. Однако молодой царь был очень умным, и сумел поссорить князей, тем самым, выиграв время, чтобы подготовиться к войне. За время подготовки, вошедшее в историю, как период сильнейшего духовного и научного подъёма царства Соловья, прямой наследник Вепря развил военные технологии, позволившие ему долго противостоять всем семерым завистникам. Когда распря закончилась, князья вновь обратились против

Соловья. Они осадили Симмаратан и спалили все кормящие его деревни, обездолив крестьян. Именно с этого времени – с Великой осады – и начинается история Тангера и Аристы.

– Вы обещали рассказать о шестигранке.

– Терпение, дорогой Фред. Мы ещё дойдём до башни.

– Почему у неё шесть граней? – не унимался Фред.

– Грани символизируют шесть миров. Инкрим был уверен, что когда-нибудь покорит их все. Кстати, в древности была и крепость, тоже в форме шестигранника, но после свержения Инкрима её снесли. Башня – единственное, что Культ у удалось отстоять. Но мы отвлеклись. Осада! История Осады – это как раз то, что напрямую связано с историей башни.

Фред закрыл глаза. Словно в туман, он плавно опустился в глубины своего подсознания. Лишь голос старушки Варавит проникал из внешнего мира, будто из-за облаков. Он видел огромный чудесный город у моря, обнесённый несколькими рядами каменных стен. Видел величественный стадион и высокую башню. Красно-зелёные знамёна развевались над стеной. Он присмотрелся. Знамёна изображали то самое знамение – зелёная долина, красный закат и жёлтый луч солнца, падающий с синих небес.

Было жаркое лето. Воины на стене, в зелёных плащах и серебристых панцирях, смотрели в подзорные трубы и радовались, поднимая вверх кулаки. Было понятно, что враги отступают. Но после радостного дня настали тяжёлые време-

на. Листва на деревьях пожелтела и опала. Провизии в амбарах оставалось всё меньше. Осенью враги в синих плащах подобрались вплотную к стене, так, что их стало видно невооружённым глазом. За ними подтянулись и другие – в серых плащах и серых шлемах с широкими полями. Здоровенные мужчины с лицами, перекошенными злостью, ходили вдоль крепости, на расстоянии чуть дальше выстрела, показывая свою наглость.

– Осада длилась уже полгода, когда случился судьбоносный перелом, – продолжала Варавит. – Кто-то из предателей выдал врагам военные технологии Соловья, и вражеские армии начали изготавливать «громовые трубы». За осень наступила зима. Город покрылся белым саваном, а с неба непрерывно шёл снег. От холода не спасала даже близость моря. Этим воспользовались враги, усилив атаку на городские стены.

Воображение перенесло Фреда в башню одной из крепостей, где, в покоях племянницы протектора, лежала на кровати златокудрая женщина. Вокруг неё сустились женщины в белых халатах. За дверью сидел мужчина в зелёной кирасе. Он нервничал.

– Осада сблизила всех – и богатых, и бедных. К обороне города привлекали крестьян, ремесленников и даже рабов. В качестве исключительной меры, Соловей издал указ, дающий право рабам жениться на дворянках, а дворянам – на рабынях. Впрочем, Тангер уже не был рабом – к тому време-

ни, он стал личным телохранителем племянницы протектора. Тангер и дворянка Ариста, тайно любившие друг друга, могли больше не скрывать свои чувства и поженились.

Фред видел, как, под грохот пушек, на свет появляется младенец. Он маленький, сморщенный, кричащий, но, глядя на него, плачущая златокудрая женщина видит в этом комочке жизни дар богов. Ему перерезают пуповину, пеленают и передают в руки матери.

– Это был первенец. Так как детям в Эттоме обычно не дают имён, чтобы те сами выбирали свою судьбу, ребёнка называли Китари, что означало «Сын Тангера и Аристы». Через семь лет, уже в скитаниях, родится второй, и его назовут Каритан. Первый изберёт себе имя Последняя Надежда, а второй – Небесный Странник. А ещё через год, Тангер и Ариста подберут в разрушенной деревне трёхлетнего малыша, который, спустя много лет, станет Завоевателем Земель. Но, вернёмся во времена Осады.

Зима сменяется весной, и ручьи талой воды текут по бело-зелёной поляне среди шапок снега. Воины в синих и серых плащах мельтешат как муравьи, ступая по ручьям грязными сапогами.

– Приготовить пушки! – командует воин, похожий на римского центуриона, в шлеме с чёрным гребнем.

Огромные орудия, расписанные волнами, подкатывают на расстояние, оптимальное для удара и ставят в одну шеренгу. словно играя на дьявольском пианино, «центурион»

машет руками, отдавая приказы пушкам стрелять по стене. Каменная стена осыпается. Земля перед ней покрыта обломками и каменной пылью.

– Минул год суровой осады. И город пал.

Пробита брешь в одной из стен, и в неё, как зараза в лишённый иммунитета организм, просачиваются толпы солдат в сером и синем. За ними – ещё пять видов, и все, с одинаковой жадностью, со злорадством, ломают, жгут, грабят, насилюют и убивают в стенах столь лакомого и долгожданного города.

– Однако это лакомство их и погубило. Насытившись и вдоволь навеселившись, солдаты враждебных армий ослабились и, ночью, заснули. Они не знали, что их поджидает смерть, затаившаяся под землёй.

Взор окунулся сквозь каменную мостовую в тёмные подземные тоннели, сплетающиеся паутиной. В этих тоннелях, с факелами и оружием в руках, сидят горожане и оставшиеся воины. Они ждут команды, чтобы в один миг, как цикады, повылезать наружу, со всех щелей, и нанести решающий удар по спящим убийцам и грабителям.

– В ту ночь княжеские армии потеряли порядка пяти тысяч солдат и не меньше сотни офицеров.

– Что было потом?

– Два княжества разделили между собой город Золотой Луч и земли Соловья. Самого Соловья повесили на дыбе, на площади перед стадионом, живьём содрали кожу и про-

ткнули насквозь четырнадцатью копьями, символизируя четырнадцать передовых батальонов. Этой акцией двое князей, захватившие город, решили устрашить остальных пятерых, чтобы поставить их в подчинение. Тем это, разумеется, не понравилось, и началась междоусобица, которая растянулась на шестнадцать лет. Тангер и Ариста бежали из города. Долгое время они бродили по разным землям, в поисках хоть одного спокойного места, но везде, куда бы они ни пришли, встречали только разруху, голод и нищету. Тогда они поняли – если мы не можем найти мир, надо посетить его самим. Они решили помогать людям и усыновлять сирот. Ты – не единственный усыновлённый, Инкрим. Кроме тебя родными у Тангера и Аристы были только дочь Даймар и шестеро сыновей. Остальные пятеро братьев, включая тебя, и семь сестёр, были найденными сиротами. Тому, как дальше разошлись их пути, посвящены отдельные книги великого эпоса «Тангер и Ариста», который наш Культ хранит и передаёт из поколения в поколение. Одна из книг, самая объёмная и ценная, да и самая интересная, посвящена Третьему из Одиннадцати. Это сердце эпоса, как сердце «Махабхараты» – «Бхагавад-Гита». Книга называется «Кигорэнми Инкрим». «Третий из Одиннадцати – Завоеватель Земель». Об Инкриме писали очень много. Всего за один день не пересказать. За свою долгую жизнь он создал три империи, и все они были разрушены его врагами. Но знаешь, что Инкрим почерпнул из истории о Великой осаде?

– Что же?

– Именно то самое интересное, что тебе стоит узнать о шестигранке. Он использовал ту же идею подземного города, что была в Симмаратане!

– Значит, – он глянул себе под ноги. – Под городом есть ещё один? Подземный?

– Да! Вход туда только один. Из подвала башни. А выходов много. Эта башня очень тесно связана с городом. Она – стержень, на котором держится город! Без неё города не будет. Поэтому и нужен Культ. Чтобы оберегать её и хранить как достояние истории, – Варабит на миг закрыла глаза и погрузилась в глубину веков, но приземлённый Берроу вернул её в настоящее.

– Погодите, как это выходов много? Я так понимаю, где вход, там и выход. Нет?

– Они так хорошо замаскированы, что многие до сих пор пытаются их найти. По подвалам, переулкам, канализации, в бочках, канавах, тупиках. Бесполезно! Большинство настолько отчаялись, что согласились поверить, что подземный город – легенда.

Фред подался вперёд.

– Но мы-то знаем, что это не так, верно?

Варабит молча кивнула, чуть заметно улыбнувшись.

Рано утром Теуш и Мэй уговорили Фреда снова пойти на базар. На вопрос «А что мне там делать?», Мэй ответил, что Фреда ожидает очень важная встреча.

– Опять эти ваши предсказания, – вздохнул Фред. – Ладно, идём. Уж лучше запах рыбы, чем сидеть тут и кормить клопов.

Об Аммерте говорили очень много. Это имя Фред постоянно слышал в Культе, но не понимал, кто такой этот Аммерт, пока сам не расспросил. Говорили, что он пилот, а имя переводится как «Небесный Странник», что не случайно. В Эттоме каждый сам выбирал себе имя по достижении совершеннолетия. Аммерт был не просто «Небесным Странником» и пилотом, а реинкарнацией младшего брата Инкрима. Аммерт нечасто появлялся в Культе, и даже в своём доме в северо-восточном районе проводил от силы три месяца в году.

– Аммерт пилотирует иммерти. Вы как-то видели железную птицу в небе.

– Эта штука называется иммерти? А как она летает?

– О! В вашем мире это назвали бы магией, – протянул Мэй. – Иммерти летает на энергопотоках, и не нуждается в топливе. Ну, почти. Об этом вам расскажет сам Аммерт. Я в этом плохо разбираюсь.

Чтобы скрасить ожидание, Фред наблюдал, как ведут себя люди на базаре. Нужно было понять, какие они – жители другого мира. В отличие от рынков Сата, здесь никто не торговался. Люди суетились, но это была, скорее, весёлая, чем напряжённая суета. Кто-то боялся не успеть на свежее, другие, напротив, никуда не торопились, чтобы купить подешевле. Но Фред заметил одну категорию людей, которая держалась не так, как остальные. Они носили маски и чёрные плащи. Эти странные люди часто приходили на базар, но ничего не покупали, а только брали в руки, осматривали, обменивались парой фраз с продавцами и покупателями, и медленно шли дальше. В целом, они выглядели сурово и внушали необъяснимый страх, несмотря на то, что не отличались телосложением атлетов. Стоя рядом с ними, хотелось отвернуться и ни о чём не думать.

– Это бахмы, – предугадал вопрос Мэй. – Четвёртая страта.

– А тэны, стало быть, пятая?

– Тэны вне страт. Над бахмами стоят чантары – третья страта. Над чантарами – нэфы – те, кто владеют искусством семи телесных токов. Нэфы могут исцелять и калечить, не прикасаясь, – Мэй говорил вполголоса, поглядывая на проходивших мимо бахмов.

– А над ними?

– Эйры. Это те, кто владеют техниками пространства. Эйры могут перемещаться за доли секунды на любое расстояние.

ние. Также они открывают Тоннели и управляют погодой. Благодаря эйрам, у нас стабильные дожди.

– Но за стабильность надо платить. Верно? – догадался Фред. Захотелось отвлечься. – Ну, где этот ваш Аммерт?

Широкая улыбка, по-детски восторженный взгляд и белая складчатая рубашка. Этот парень лет восемнадцати был замечен издали – трудно было не узнать актёра, игравшего Соловья. Стоя у прилавка, он общался с продавщицей, активно жестикулируя и смеясь.

– Аммерт! – Мэй помахал ему, и только теперь молодой актёр заметил троих, что ожидали его примерно с полчаса. Лёгким бегом, который подошёл бы для парка, но не очень годился для базара, он приблизился к Мэю и Фреду.

– Ну? Что? Этот?! – Аммерт уставился на брата по инкарнации. Восхищённо помотал головой.

– А ты сомневаешься? – спросил тот. Протянул руку. – Фред Берроу.

– Да знаю, знаю! – он представился, хотя и не было нужды.

– Давно приехал? – поинтересовался Мэй.

– Вчера. Только с иммерти и сразу на репетицию. Не успел к вам заглянуть, – он резко замолчал и вновь уставился на Фреда. – Инкрим. Инкрим, император! Я ждал этого тысячелетиями!

– Спокойно, Аммерт. Ещё не доказано, что он – Инкрим, – охладил того Мэй.

Небесный Странник говорил на правильном английском,

разве что с небольшим акцентом – тянул некоторые гласные, иногда невольно вставляя звук «у» в середину слова. Говорил он быстро, и в этом походил на Марка. Только Марк иногда делал паузы. На Аммерта же, бывало, находил такой порыв, что он начинал тараторить без умолку, не давая собеседнику вставить и междометия. Иногда он, напротив, становился молчалив и грустен. В такие моменты, Аммерт словно губка впитывал окружающие звуки, виды и запахи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.